

ГРИГОРИЙ РОДСТВЕННИКОВ

ВОИН СЕВЕРА

Григорий Родственников

**Воин Севера. Сборник
остросюжетных рассказов**

«Издательские решения»

Родственников Г.

Воин Севера. Сборник остросюжетных рассказов /
Г. Родственников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900475-8

Свирепые викинги, алчные конкистадоры, кровожадные пираты и бесстрашные покорители Дикого Запада. Вот далеко не полный перечень персонажей, которых читатель встретит на страницах этого сборника. Любите головокружительные, фантастически невероятные и смертельно опасные приключения? Тогда это книга для вас.

ISBN 978-5-44-900475-8

© Родственников Г.
© Издательские решения

Содержание

Однажды на Эспаньоле	6
Золотая статуэтка Одина	23
Воин Севера	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Воин Севера

Сборник остросюжетных рассказов

Григорий Родственников

© Григорий Родственников, 2017

ISBN 978-5-4490-0475-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Однажды на Эспаньоле

ОДНАЖДЫ на ЭСПАНЬОЛЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Из дневника Хуана де Каренси

Меня зовут дон Хуан Франциско Фернандес де Каренси. И хотя я родился в Мадриде, но большую часть своей жизни прожил в Бургундии и Фландрии. Все мужчины в нашем благородном роду были военными. Именно поэтому я с детства переезжал с отцом из одного гарнизона в другой. Матушка рано покинула нас, а отец постоянно был занят по службе. Практически моим воспитанием занимался мой верный слуга Гансалес. Сам отставной служака и непревзойденный мастер клинка. Он то и научил меня многим премудростям фехтования. Впервые я взял в руки шпагу в четыре года и с тех пор уже не расстаюсь с ней. В пятнадцать Гансалес сообщил мне, что я стал первым клинком Брюсселя и ему уже нечему учить меня. Я и сам осознавал это, но продолжал шлифовать мастерство, беря уроки у заезжих бретеров и прочих сомнительных личностей, добывающих свой хлеб виртуозным владением рапирой.

В один из дней, когда я самозабвенно фехтовал в зале мэтра Туше с итальянским капитаном, знающим множество запрещенных приемов боя, пришел мой слуга и сказал, что меня срочно зовет батюшка. Я выслушал от итальянца достаточно комплиментов относительно моего искусства, откланялся и поспешил домой.

– Мой сын, мы срочно отправляемся в Испанию! – огородил меня родитель. – Его величество Филипп IV срочно требует меня ко двору.

Моя Родина поразила меня грязными улицами и обилием нищих. Я с детства считал, что Испания – богатейшая страна всего христианского мира, ведь все сокровища Нового Света свозятся именно сюда. Тем большим было мое разочарование. А через месяц отец объявил мне, что его направляют в Западные Индии, и меня он с собой не берет, ибо я еще слишком юн, а в тех местах идет кровопролитная война, и он не вправе рисковать своим единственным сыном.

Мой родитель уехал, оставив меня на попечение тетушки.

Три года, что я прожил в Мадриде, были худшими в моей жизни. Несмотря на то, что я принадлежал к древнейшему бургундскому роду, а по материнской линии стоял в родстве с герцогом Медина-Сидония, мое финансовое положение оставляло желать лучшего. Я стеснялся своих стоптанных башмаков и, мягко говоря, не слишком нового плаща. А еще меня страшно раздражали местные кабальерос. Эти идальго просто пыжились от гордости, щеголяя в дорогих платьях и носили трости стоимостью в мой особняк. При виде меня они задирали нос и презрительно кривили губы. А я просто бесился от унижения. Я стал раздра-

жительным и злым. Один лишь надменный взгляд в мою сторону заставлял меня обнажать шпагу. За эти три года я провел тридцать четыре дуэли, из них восемь со смертельным исходом. И только заступничество друга отца, полковника Пенильи де ла Куэто, имеющего большое влияние при дворе, спасло меня от тюремного заключения. Моя бедность приводила меня в уныние. От отца приходили неутешительные письма о нахальстве английских, французских и голландских пиратов, которые плодились в Новом Свете подобно саранче. Они грабили караваны с золотом, нападали на испанские города и творили такие бесчинства, что у меня кровь стыла в жилах. Из-за морских разбойников наша казна терпела колоссальные убытки. Я ненавидел этих грязных скотов, ненавидел так, что при слове пират, не мог сдерживать бранных слов. А потом меня постиг страшный удар. Рассказали, что мой отец погиб. Он сопровождал груз жемчуга из Панамы, когда на них напали головорезы Рока Бразильца. В тот день я впервые напился, напился до беспамятства.

На следующий день я умирал. Голова так болела, что я не мог подняться с постели. В таком унижительном для благородного дона положении, меня застал полковник Пенилья де ла Куэто. Он еще более расстроил меня, когда сообщил, что я учинил в таверне жестокую потасовку, избил хозяина заведения, а потом вызвал на дуэль Эстебана Мендосу Франциско де Кастро – одного из влиятельнейших вельмож Кастилии. Я ранил этого благородного дона и заколол двух его слуг, а еще троим нанес увечья. Перечисляя мои злодеяния, полковник сказал, что мне опасно оставаться в Мадриде, ибо Мендоса не успокоится, пока не убьет меня. В заключение, друг моего отца передал мне кошель с деньгами и попросил, как можно быстрее покинуть столицу. У меня не было сил даже поблагодарить этого достойного человека.

В мстительности Мендосы я смог убедиться, когда дважды на меня напали наемные убийцы. Они, видно, считали меня неопытным молокососом, за что и поплатились. Мой верный слуга Гансалес убедил меня последовать совету Пенильи де ла Куэто.

Вопреки просьбам Гансалеса отправиться во Фландрию, я твердо решил плыть в Новый Свет и по возможности отомстить убийцам отца.

Не стану утомлять читателя подробностями нашего тяжелого путешествия. Несколько раз мы видели вдалеке чужие паруса, но вопреки всем опасениям капитана судна, мы благополучно бросили якорь в порту Санто-Доминго.

Едва я сошел на берег, как снова угодил в неприятности. Какой-то местный идадьго, разодетый, как петух и, по-видимому, имеющий самые смутные представления о последней европейской моде, грубо толкнул меня и предложил убраться с дороги.

– Сеньор, – обратился я к нему, – Вы разговариваете с дворянином, и я прошу вас вести себя повежливее. Кабальеро презрительно оглядел меня с ног до головы и нагло расхохотался. – Благородный дон, где вы взяли эту мятую шляпу? Не иначе, украли у пугала? А в ваших замечательных башмаках, наверное, щеголял еще ваш дедушка...

Кровь бросилась мне в лицо. Я выхватил шпагу.

– Вот это другое дело! – фыркнул задира. – Давно бы так! Зачем тянуть время, рассуждая о благородстве?!

В его руке блеснула рапира. Было ясно, что этот негодяй специально спровоцировал меня на поединок. Вот только, гонора в нем было значительно больше, чем умения фехтовать. Вокруг нас мгновенно образовалась толпа любопытствующих граждан. – Как ваше имя?! – крикнул я ему.

– Зачем вам? – рассмеялся он. – Меня здесь знает каждая собака, а вам необязательно, ибо вы уже мертвец!

Он сделал быстрый выпад, намереваясь покончить со мной одним ударом. Такой выпад в школе мэтра Туше отбил бы и ученик – первогодок. Я принял его на эфес, отклоняя его

рапиру вниз. После чего, мой толедский клинок, скользнув по вражеской стали, вонзился в грудь забияки. Он умер мгновенно. Лишь глаза изумленно расширились.

Я стоял с окровавленной шпагой над убитым мной человеком, а ко мне, расталкивая толпу зевак, спешили стражники. Офицер в желтом мундире, гневно хмуря кустистые брови, ткнул в мою сторону пальцем в красной перчатке. – Что здесь произошло?

Я пожал плечами: – Этот господин оскорбил меня.

– Если за каждое оскорбление убивать людей, скоро, на этом Богом забытом острове, не останется ни одного идадьго. Молодой человек, соблаговолите назвать свое имя, отдайте вашу шпагу и следуйте за мной. Этого и следовало ожидать. Я снял перевязь, протянул офицеру и назвал свое имя. Роскошные брови стража порядка взлетели вверх. – Не родственник ли благородному дону Франциско Фернандесу де Каренси?

– Все верно. Это мой отец. На лице офицера в мгновение ока промелькнули сразу несколько чувств: изумление, смущение, радость. Он с жаром пожал мне руку. – Дон Хуан, я счастлив, приветствовать вас на Эспаньоле! Я высоко ценю и уважаю вашего батюшку! Более того, я являюсь его другом! Меня зовут дон Карлос Диего де Васкес! Знали бы вы, сколько всего за эти годы, мы пережили с вашим отцом! Эх! Но об этом после! Вы верно, устали с дороги? Сейчас как раз время сиесты, но сначала трапеза в честь дорогого гостя! Эй! – крикнул он стражникам. – Позаботьтесь о теле дона Альвареса! И коня благородному дону! – подмигнул мне. – Где ваши вещи, дон Хуан?

– Стыдно признаться, дон Карлос, но все мои вещи со мной. Тощий кошель на поясе и верный слуга – вот все мое богатство.

Дон Карлос понимающе кивнул. – Богатство дело наживное. А сейчас, благородный идадьго, в путь! Нас ждут чудесные напитки и отменное жаркое!

* * *

Никогда в жизни я не ел такого изумительного мяса. Сочное, ароматное, с нежной хрустящей корочкой. Дон Карлос рассмеялся: – Да, дон Хуан, нигде в Европе вы не встретите подобного деликатеса. Это мясо называется «букан». Мы покупаем его у буканьеров.

– Кто это, буканьеры?

Дон Карлос скривился: – В сущности, негодяи. Грязные еретики. Живут в лесу, как дикие звери. Носят шкуры, не платят его католическому величеству налоги, в огромном количестве истребляют наших коров и свиней. Но мясо они готовят превосходно. Здесь им нет равных. Они научились так вялить телятину, что она может храниться несколько месяцев, про солонину я уж не говорю.

– Дон Карлос, я уловил в ваших словах грусть...

– А чему радоваться, мой друг? Грядут большие перемены. Получен приказ из Мадрида. Король требует изгнать всех буканьеров с Эспаньолы, а если они окажут сопротивление, уничтожить. А они окажут, можете не сомневаться. Эти каналы воевать умеют и оружие у них не чета нашему. Они покупают современные мушкеты у пиратов, а наши солдаты вооружены старыми аркебузами. Верьте мне, дон Хуан, нас ждет море крови...

Мы замолчали. Каждый думал о своем.

– Скажите, – обратился я к дону Карлосу, – А тело моего отца не нашли?

Капитан де Васкес вытаращил глаза: – Господь с вами, юноша! Ваш отец жив!

– Как?! – я вскочил на ноги. – Мне сказали, что он погиб в схватке с пиратами?!

– Глупости! Он был ранен! Потерял много крови, но его спасли! Сейчас он губернатор Альтамиры!

Я смеялся, как ребенок. Никогда я не был так счастлив! Благородный дон Карлос хохотал вместе со мной. Потом он звонко хлопнул себя по лбу: – Ах, я старый дурак! Вы же не пробовали местный напиток! Мы называем его «ронозле»! Готовится из тростника! Одна

чарка способна свалить с копыт коня! Эй, Лоренцо! – крикнул он, прислуживающему нам солдату, – Бочонок «роноэле»!

В тот день я очень много выпил. Радость от осознания, что мой отец жив, затопила мой разум. Напиток, несмотря на то, что капитан де Васкес разводил его кокосовым молоком, оказался невероятно крепким. Я потерял контроль над собой, хохотал, как безумный, наблюдая, как мой друг бросает в чашу с «роноэле» щепотку пороха и поджигает его лучиной. – Если порох вспыхнет, – поучал меня дон Карлос, – Значит, напиток не разбавлен. А то эти торгаши, бывает, разбавляют!

А потом я уснул. Уснул, некрасиво ткнувшись лицом в стол. Я проспал до следующего утра. Странно, но я встал совершенно отдохнувшим и даже не чувствовал похмелья. Поистине, местный напиток был волшебным. Я объявил дону Карлосу, что хочу, как можно быстрее увидеть отца. Капитан де Васкес дал мне в сопровождение двадцать солдат и проводника. – Будьте осторожны, – напутствовал он меня. – В наших краях в последнее время небезопасно. Война уже началась. Мы разгромили несколько голландских и английских буканов, повесили десяток негодяев. Но и они не остались в долгу. Разорили плантацию Андреаса Монтеро, а самого Монтеро завялили на деревянных решетках, как кабана. Вот такие они жестокие звери. И еще, дон Хуан, я вижу на вашем прекрасном лице некрасивые волдыри, это вы познакомились с местными кровососущими насекомыми. Здесь их называют «москитос». У моря их не так много, а дальше, в глубь острова, их неисчислимые тучи. Сожрут и не поморщатся. Я приготовил для вас склянку с соком одного местного растения. «Москитос» его боятся. Натрите лицо и шею, потом благодарить будете... И передайте вашему батюшке письмо от меня. Там я изложил кое-какие соображения по поводу будущей военной компании. До свидания, дон Хуан. Навещайте меня почаще.

* * *

Мой отец так был рад мне, что чуть не задушил в объятиях.

– Как ты возмужал! Настоящий благородный кабальеро! Как жаль, что твоя матушка не дожидается до этого дня, не может полюбоваться на твой прекрасный облик. Но до чего же ты худой! Ничего, здесь ты попробуешь такие деликатесы, какие не снились арагонским вельможам! Что-что, а с провиантом на Эспаньоле дела обстоят превосходно!

Потом отец показал мне местную крепость, строительством которой он по праву гордился. Гарнизон был небольшой. Всего двести человек, но отец уверял, что его каменное детище способно выдержать длительную осаду. Он очень сокрушался, что надменные вельможи не послушали его, не дождались кораблей с подкреплением и самостоятельно начали войну с буканьерами. Результат – большие потери.

Мы сидели в тенистой беседке, пили уже знакомый мне «роноэле», а отец грустно размышлял: – Начинать сейчас войну было делом огромной глупости. У нас не хватает пороха, нет современного оружия, а наши новобранцы воюют не лучше голопузых мачо.

– Мачо?

– Это местные крестьяне. Отбросы, появившиеся на свет от кровосмешения с индейцами и неграми. И хоть они говорят по испански, но к нашей великой нации не имеют никакого отношения. Они глупы, трусливы и воняют, как свиньи. А мои солдаты не лучше их. Благородные доны разворошили осиное гнездо, забывая, что буканьеры тесно связаны с английскими и французскими поселениями, которые, ясное дело, не останутся в стороне, когда начнется резня. А ведь нужно было подождать всего пару месяцев, пока к нам не придет подкрепление.

– Ничего, отец! – пылко воскликнул я, – Благородство всегда одержит верх над дремучей дикостью! Не потому ли мы всегда побеждали трусливых франков, что у них нет и капли того благородства, что есть у нас!

Мой родитель печально вздохнул. – Ты ошибаешься, Хуан. И среди французов есть благородные люди. С одним из них я встречался. И лишь благодаря ему – я жив... Послушай, я расскажу тебе короткую историю. Три месяца назад я сопровождал груз жемчуга из Панамы, когда на нас напали корабли Рока Бразильца. Я ненавижу этого дьявола, но не могу не признать, что он весьма талантливый флотоводец. И хотя я не моряк, но понял, что наши капитаны оказались не на высоте. После короткого сражения один наш корабль затонул, другой был взят на abordаж. Говорят, он сейчас гордость флота Бразильца. И на нем вместо гордого кастильского стяга развивается красная тряпка этого пирата. Я защищал каравеллу с грузом. В моем подчинении было сто двадцать солдат. Мы не смогли оказать пиратам должного сопротивления. Лишь половина из моих людей знала с какого конца заряжается аркебуза. Остальные – бывшие крестьяне, прибывшие в Вест-Индию за сказочными барышами. Нас попросту смяли. Я успел заколоть трех мерзавцев и еще нескольких ранить, а потом abordажная сабля вспорола мне бок. Очнулся я в трюме, связанный по рукам и ногам. Со мной было шестеро солдат, все кто уцелел. Мой разорванный бок продолжал кровоточить. И хотя рана была пустяшная, я понял, что скоро умру от потери крови. Я то терял сознание, то вновь приходил в себя. Дверь в трюм неожиданно открылась, и я увидел высокого француза в черной шляпе с красным плюмажем. За ним маячили еще трое моряков. Эти, в отличие от своего вожака, одеты были безвкусно и вычурно. В их загорелых лапищах сверкали abordажные сабли. Я понял, что нас пришли убивать, ибо много раз слышал, что дьявол Рок не пощадил еще ни одного испанца. И хорошо, если просто убьют, а то подвергнут изощренным пыткам, до которых этот голландский мерзавец был большой затейник. Вожак пиратов видно все понял по моему лицу. Он улыбнулся уголками губ. – Успокойтесь, месье, я не убиваю безоружных пленников.

Затем он вытащил кинжал, перерезал стягивающие меня и моих людей путы. Мельком взглянул на мою рану и сказал: – Вы истекаете кровью, месье. Скажите вашим людям, чтобы перевязали. И еще, ваше судно тонет. Так что поторопитесь. До берега не слишком далеко, и, может быть, Господь убережет ваши жизни. Больше я ничего не могу для вас сделать. Прощайте. – Пойдите, благородный сеньор! – крикнул я ему в спину. – Назовите ваше имя!

Он обернулся. В глазах промелькнуло удивление.

– На что вам? Я не настолько сентиментален, как вы подумали. Если бы вы встретились со мной в бою, то были бы уже мертвы. Просто убивать пленных противоречит моей природе, даже если это испанцы. А зовут меня Анри де Бланше.

Вот такая история, Хуан. Оказалось, что пираты прорубили днище нашей каравелле и она уверенно погружалась на дно. Но Господь был милостив к нам. Вопреки всему, наше судно не затонуло, а лишь перевернулось набок. И в этом тоже было Божье провидение, ибо из-за своей раны, я бы не смог доплыть до берега. А так, нас уже к вечеру подобрал галеон под арагонским флагом. После этой истории, я впал в немилость к королю и, вместо обещанного губернаторства на Санто-Доминго, был послан в эту дыру, Альтамиру. Но мне грешно обижаться, ведь я остался жив...

* * *

За две недели я успел освоиться на острове, и мне казалось, что я живу здесь уже не один год. Я научился отличать сорта бананов, наслаждался вкусом невиданных плодов, таких как гуава, анона, моринда, а от божественного вкуса такой ягоды, как sea glare, я просто млел. Я познакомился с местными идалго, которые встречали меня с восхищением, ибо, оказалось, что они наслышаны о моих мадридских приключениях и считали меня чуть ли не героем. Один кабальеро рассмешил меня, упомянув, что я был участником восьмидесяти дуэлей и отправил к праотцам больше семидесяти человек. Пришлось разочаровать его. А вот шпагой я действительно владел лучше всех на Эспаньоле. До этого первым клинком считался мой отец. Многие доны специально приезжали в Альтамиру, чтобы взять у меня

уроки фехтования. Мой слуга Гансалес также имел большой почет среди простых солдат и старательно обучал новобранцев обращению с холодным оружием. А война тем временем разгоралась все сильнее. Мы нападали на поселения буканьеров, подавляли постоянно вспыхивающие восстания негров-рабов и ждали прибытия кораблей из Перу и Кубы. В то время как в Европе кардинал Мазарини всеми силами старался заключить мир с нашим монархом, здесь, на Эспаньоле, и не помышляли о дружбе. Французские поселенцы также ждали подкрепления из метрополии и все мы остро ощущали надвигающуюся большую драку. Мой отец развил кипучую деятельность: рассылал письма во все местные гарнизоны, собирал ополчение, пытался поставить под ружье даже миролюбивых мачо и сумел добиться согласия всех губернаторов назначить общий сбор войск в Сан-Фелипе-де-Пуэрто-Плате, намереваясь собрать огромную армию и окончательно очистить наш остров от англичан, французов и голландцев. Я служил у него адъютантом, доставляя его послания в отдаленные испанские поселения.

Однажды я приехал в гарнизон Сантьяго-де-лос-Кабальерос, где губернатором был родной брат моего друга капитана дон Карлоса Диего де Васкеса.

Мануэль де Васкес был точной копией своего брата: те же замечательные кустистые брови, белозубая обаятельная улыбка и тот же непоседливый нрав. Он немедленно окружил меня заботой, накормил сытным обедом, постоянно сетуя, что из-за свары с буканьерами, последние перестали продавать им «букан», а готовить такое жаркое больше никто не умеет. Мы выпили за здоровье его величества Филиппа IV, обсудили последние новости, после чего дон Мигель заговорщически поинтересовался, а не желает ли уважаемый дон Хуан поглядеть на лучшего французского фехтовальщика?

Оказалось, что в местной тюрьме уже три месяца томится французский пират из команды самого Рока Бразильца.

– Я бы давно повесил этого негодяя, – сказал губернатор, – Но этот разбойник так виртуозно владеет шпагой, что мне порой приятно утереть нос нашим благородным донам, которые считают себя непревзойденными мастерами клинка. Вы, дон Хуан, лучший наш фехтовальщик, поэтому вы просто обязаны взглянуть на него.

– Это было бы весьма любопытно. – согласился я.

– Это просто виртуоз! – восхищался своим пленником дон Мигель. – Месяц назад с ним решил сразиться дон Герреро. Я предупреждал благородного донна, что французу нельзя давать в руки боевого оружия. Но наш соотечественник надулся, как индюк и потребовал, чтобы пленнику дали острую рапиру. В результате пират заколол Герреро, ранил двух моих солдат и убежал бы, если бы ему не прострелили ногу из аркебузы.

– Неужели он так хорош? – меня уже разбирало любопытство.

– Сейчас вы сами в этом убедитесь!

ОДНАЖДЫ на ЭСПАНЬОЛЕ ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пленник был высок и очень худ. Из одежды на нем были простые парусиновые штаны и некогда белая просторная рубаша. Сейчас рубаша была невероятно грязна и дырява.

Он вышел из каземата, заметно прихрамывая и щурясь от яркого солнца. Остановился, разглядывая меня равнодушно и устало.

– Дайте ему оружие! – сказал я. – Хочу оценить его мастерство.

Французу подали ржавую рапиру с затупленным концом.

Я с негодованием повернулся к губернатору, – Дон Мигель, вы решили оскорбить меня? Может, вы дадите ему деревянную палку?

– Что вы, дон Хуан! Как вы могли такое подумать?! Я же рассказывал об участи несчастного Герреро! Если с вами что-нибудь случится, ваш батюшка сживет меня со света! – И, тем не менее, я требую, чтобы пирату дали настоящее оружие!

Было видно, что дон Мигель сильно опечалился, но не стал возражать, он кивнул одному из солдат и пленнику падали острую рапиру. Несколько стражников взяли француза на мушку. Он стоял, довольно разглядывая обретенный клинок, затем несколько раз взмахнул им, посмотрел на меня и улыбнулся.

Я вытащил шпагу и встал в стойку.

– Ну, господин пират, покажите свое искусство. – сказал я ему по французски.

– А не пожалеете? – ответил он тихим голосом.

– На все Божья воля.

– Извольте.

Никогда ранее я не встречался с таким мастером. Француз не делал ни одного лишнего движения. Рапира в его руке казалась ее продолжением. Сначала мы медленно кружили, нащупывая друг у друга слабые места. Затем пират провел несколько обманных атак, я не поддался. Француз одобрительно хмыкнул. Я видел, что фехтование со мной доставляет ему удовольствие. Он то убыстрял темп, то переходил в глухую оборону. То неожиданно проводил замысловатый финт, то намеренно открывал мне свою грудь, якобы для выпада. Он постоянно улыбался. Мне же было не до смеха. Я понял, что его искусство во многом превосходит мое. А я ведь учился у лучших мастеров Европы. Мне стало обидно. Я вспомнил несколько запрещенных приемов, которые перенял у заезжих бретеров. Обманный выпад, уход в сторону, укол снизу. Моя шпага проткнула грязную рубаху противника и коснулась его бока. Выступила кровь. В его голубых глазах мелькнуло осуждение. Но в следующую секунду, он обрушил на меня град ударов. Сверкающий клинок жалил меня справа и слева, мелькал у самого лица, сбил с меня шляпу, распорол кружевной воротник и, наконец, острой болью взорвал левое плечо. Я почувствовал, что мой рукав тяжелеет от крови. Но этот пропущенный удар придавал мне ярости. Наши клинки мелькали в воздухе, как крылья стрекоз. Я снова ранил француза в бок, он не остался в долгу и, из моего правого бедра в сапог полилась струйка крови.

Мы оба устали. Пот застилал глаза. Я чувствовал, что слабею, но и у француза на рубахе расплывалось темное пятно. Он заметно шатался. К тому же, он не был таким подвижным, как я, ведь он был хромым. Наступил момент, когда я понял: скоро я убью его.

– Я хочу знать ваше имя, господин пират!

– Я не пират, – хрипло откликнулся он, – А флибустьер! Хотя вы и подобные вам, не видят особой разницы. Мое имя вам ничего не скажет. Но, если вы хотите знать, извольте. Шевалье Анри де Бланше!

Я остолбенел. И мое замешательство едва не стоило мне жизни. С трудом я парировал нацеленный мне в грудь удар, отскочил в сторону и закричал: – Стойте, сеньор! Я не желаю с вами драться!

Шевалье опустил руку и рапира выскользнула из его пальцев, он пошатнулся, но устоял на ногах. Один из солдат поднял оружие и грубо схватил пленника за ворот: – Пошли, каналья, обратно на привязь!

– Отставить! – рявкнул я. – Дон Мигель, прикажите перевязать пленного! И дайте ему чистую одежду! Такой враг достоин уважения!

Я проследил, чтобы мой приказ был выполнен, после чего позволил дону Мигелю увлечь меня в прохладную беседку, где губернатор самолично смазал мои раны какой-то вонючей мазью и наложил повязки.

Ночью я не спал. Подумать только, я чуть не убил человека, который спас жизнь моему отцу. Я не буду таким неблагодарным. Я приготовил узелок с едой, доверху наполнил пороховницу «роноэле» и чтобы он не вытек по дороге, тщательно залил сургучом. Затем я взял факел и отправился к темнице.

Стражник глядел на меня испуганно. Когда я сказал, что желаю говорить с пленным, он побледнел и пролепетал, что-то на счет приказа губернатора. Я сунул ему в руку реал, отобрал ключи и спустился в каземат. Анри де Бланше сидел у стены на серой соломе и улыбался.

– Я знал, молодой человек, что наша встреча не последняя. Признаюсь, вы поразили меня своим фехтовальным искусством. Давно я не встречал противников равных вам. А я встречался с настоящими мастерами. – он хохотнул и тяжелая цепь на его ноге уныло звякнула.

– Я принес вам поесть. – сказал я и развязал узелок со снедью.

– Да вы благородный человек! – воскликнул он. – Даже не верится, что вы испанец! Три месяца я получал в день только кружку воды и пару маисовых лепешек. Ваши соотечественники не слишком щедры. От такой кормежки можно протянуть ноги. Удивительно, что я еще способен держать шпагу.

– Конечно, вы голодный и обессиленный. Я поступил бесчестно, сражаясь с вами...

– Пустое. Вы отменный поединщик. Хотя в вашем арсенале, я усмотрел несколько приемчиков не делающих чести благородному господину. Впрочем, о чем я? Мы же не в Старом свете!

Анри де Бланше с жадностью накинулся на еду, глотая куски мяса не жуя, глаза его возбужденно сверкали. Когда я дал ему «Роноэле», шевалье пришел в неописуемый восторг. – Да это отменный ром! Как мне благодарить вас, месье? Как ваше имя? Я буду молиться за вас!

Очень быстро француз опьянел. Он блаженно жмурился и рассказывал мне о своей жизни. Я поразился, насколько наши судьбы похожи. Он тоже происходил из древнего, но обедневшего дворянского рода. Так же, как и я, превыше всего на свете ставил фехтовальное искусство. И так же точно много дрался на дуэлях. Как и я, он бежал в Вест-Индию, спасаясь от разгневанных родственников убитого им высокопоставленного вельможи. Скитания привели его на Тортугу – столицу берегового братства. Там его фехтовальное искусство оценил Рок Бразилец и предложил наняться к нему на корабль.

– Если бы вы знали, юноша, какой это зверь! – восклицал де Бланше. – Лютый зверь! Изверг и исчадие ада! Он носит дорогие платья и накрахмаленные воротнички, кичится своим благородным происхождением, но он никогда не был дворянином! Все знают, что он негоциант, торгаш, как и все его родственники, но никто никогда не скажет этого ему в лицо! За те месяцы, что я плавал с ним, я насмотрелся таких ужасов, что у меня поседели виски! Его излюбленное развлечение – вскрыть грудную клетку жертвы и вытащить еще бьющееся сердце. Несчастный видит свое сердце в лапище злодея, а Рок смотрит ему в глаза и смеется. Он вспарывает животы пленным испанцам, вытаскивает кишки и прибавляет к мачте, а потом начинает гонять пленников, те бегут, наматывая внутренности на мачту, а адмирал валится на пол от хохота. Такого жестокого садиста еще не было на этом свете. Я давно бы покинул его, но мне пришлось подписать контракт. И в этой тюрьме я оказался по злой воле Гэррита Гэрритзоона, который требует именовать себя Роком Бразильцем! Три месяца назад

мы захватили каравеллу с жемчугом. Адмирал приказал прорубить днище топорами и затопить судно. И тут ему доложили, что на каравелле остались пленные испанцы. А надо вам сказать, юноша, что Бразилец никогда не оставляет в живых ваших соотечественников. Он выбрал меня в качестве палача. Я и еще трое моряков сели в шлюпку и направились к тонущей каравелле. Уже тогда я решил для себя, что не запятнаю свои руки кровью безоружных людей. Я освободил пленников и пожелал им удачи. Потом мы вернулись. Я решил, что солгу адмиралу и скажу, что убил испанцев. Но негодяи, что плыли со мной рассказали ему правду. До сих пор у меня в ушах свистящий змеинный шепот Бразильца: «Значит, ты любишь испанцев, мой дорогой Анри? Так отправляйся к своим друзьям!». Он ударил меня кулаком в лицо. Я перелетел через борт и упал в море. Лучше бы я погиб...

Мне ничего не оставалось, как плыть к каравелле. Корабль не утонул. Из воды торчал круглый борт, а на нем сидели семеро спасенных мною людей. Один из них был очень плох, все время был без сознания. Я разорвал свою рубаху и перевязал его раны. До вечера мы дрейфовали на этом плавучем острове. А потом, нас подобрал испанский галеон и я в полной мере ощутил на себе «кастильскую благодарность». Те моряки, которых я спас, озверело избивали меня и плевали в лицо. Меня заковали в кандалы и отправили в тюрьму. И вот уже три месяца я дерусь, как гладиатор, на потеху испанской знати. Однажды я чуть не сбежал, но меня подстрелили. Слава Богу, пуля не задела кость, но я на всю жизнь охромел. Лучше бы меня убили. Вы уедете, а я так и останусь веселить ваших земляков. Если бы вы знали, дон Хуан, как я устал. Должен же найтись среди вас настоящий мастер, который прикончит шевалье де Бланше!

Он отвернулся от меня, стиснув зубы. Мы надолго замолчали.

Потом я сказал: – Человек, которого вы спасли на каравелле и которому перевязали раны – мой отец. Не все испанцы не благодарны. Я очень признателен вам, мэтр де Бланше. – затем я вытащил ключи и отомкнул цепь на его ноге.

Когда мы вышли из каземата наружу, стражник едва не лишился чувств от страха. – Благородный дон, – заныл он. – Меня повесят.

Я отдал ему все свои деньги.

– Не бойся. Я научу тебя, что сказать. Затем я обратился к французу: – Вы свободны, шевалье. Ступайте на восток, и если вас помилует Господь, вы доберетесь до голландской колонии. И я буду молить об этом Создателя. Де Бланше ничего не сказал, он с жаром пожал мне руку и растворился в черноте тропической ночи.

Утром я сказал дону Мигелю, что пленник сбежал. Я рассказал, что меня разбирало любопытство узнать, где француз так научился драться, самовольно отобрал у стражника ключи и спустился в каземат. Тут узник напал на меня, оглушил кулачищем, отомкнул цепь, выбежал наружу, где так же отключил стражника, после чего его и след простыл. Дон Мигель качал головой, хмурился и, похоже, не поверил мне. Но мне было все равно, я был горд, что помог человеку, спасшему моего отца.

* * *

Война с буканьерами продолжалась. Благодаря подкреплению, прибывшему из Перу и Кубы, мы весьма успешно очищали наш остров от несанкционированных поселенцев. К великой радости моего отца на Эспаньоле, наконец, доставили новейшие мушкеты и мой родитель со всем усердием принялся обучать солдат стрельбе из нового оружия. Я же во главе летучего отряда «лонсерос» совершал дерзкие налеты на французские и голландские буканы и добился того, что одно мое имя вызывало страх у этих разбойников. Многие из них предпочли добровольно оставить остров и переселиться на Тортугу. В бесконечных стычках прошло три или четыре месяца.

В отличие от многих моих земляков, предпочитающих обставлять нападения на буканьеров с шумом и помпезностью, под барабанный бой, в окружении своры псов, словно

на охоте, я использовал только ночные вылазки. Мои атаки были внезапны и ошеломительные для неприятеля. Ничего удивительного, что в моем отряде почти не было потерь. Тогда как другие офицеры теряли до половины личного состава, ибо таких метких стрелков, как буканьеры не было ни в Новом, ни в Старом свете.

Я хорошо помню тот злосчастный день, что едва не стоил мне жизни.

Разведчики доложили, что обнаружили новый французский букан. Все шло как обычно. Мы подкрались к ним на расстояние мушкетного выстрела. У трех костров сидело около пятнадцати разбойников. Я распределил цели и командовал огнем. Потом мы с победными криками бросились к вражескому лагерю. Еще тогда мне показалось странным, что от наших выстрелов упало лишь несколько тел, а остальные спокойно продолжали сидеть на месте. Слишком поздно я осознал, что это ловушка. Я увидел соломенные чучела, облаченные в одежду. А сзади уже загрохотали выстрелы. Я не зря говорил о меткости буканьеров. В считанные мгновения почти все мои солдаты были убиты. А те, кто остался жив, растерянно жались ко мне. Из леса с ревом выскочили разбойники. Я обнажил шпагу и приготовился дорого продать свою жизнь.

– Офицера живым брать! – раздался окрик их предводителя.

«Тем хуже для вас» – решил я и первым же выпадом прикончил одного негодяя. На меня накинулось сразу четверо. Вот только стреляли они значительно лучше, чем фехтовали. Размахивали шпагами, как дубинками. Я убил еще одного из них и серьезно ранил другого. Мои солдаты погибли, а я вертелся, как волчок, отражая сыпавшиеся на меня со всех сторон удары. Я опасался только одного, чтобы мерзавцы не успели зайти мне за спину. Я уже не боялся смерти, войдя в боевой раж. Помнится, я даже хохотал над неумелыми попытками лесовиков нанизать меня на свои короткие и широкие, как мечи шпажки. Мой толедский клинок нашел еще одну жертву, а я опьянел от пролитой мной крови. Враги пятились от меня, а я нападаю. Пот застилал глаза, от многочисленных порезов из моего тела уходила сила и жизнь, но я твердо знал, что не успокоюсь, пока не убью их всех. В этот момент я услышал чей-то знакомый голос: – Расступитесь, каналы! Этот малыш не для вас!

Трепещущее пламя костра высветило высокую худую фигуру. Матово блеснул эфес шпаги. А в следующую секунду на меня обрушился град стремительных ударов. Теперь отступать пришлось мне. Я начал догадываться, с кем имею дело. А когда в отблеске пламени я увидел знакомые голубые глаза, то не смог сдержать вопль удивления: – Шевалье де Бланше!

Француз опустил шпагу. – Разрази меня гром! Дон Хуан?

Я не успел ответить. Какой-то разбойник оглушил меня рукояткой пистолета. Свет померк в моих глазах.

Не знаю, сколько я был без сознания. Думаю, не долго. Надо мной разлилось бескрайнее черное небо. Искры костра уносились ввысь, пытаясь дотянуться до ослепительных в своем величии звезд. Рядом со мной спорили двое. Один из них хрипло рычал: – А я говорю, вздернуть эту испанскую свинью!

– Я уже сказал, Роже, этот человек спас мне жизнь. Он уйдет отсюда живым. – это был голос де Бланше.

– Вот как?! Значит ты обменял свою голову на головы наших ребят?! Этот кастильский павлин заколол Франсуа и Пьера! И еще шестерых ранил! И ты хочешь, чтобы он ушел и продолжал убивать наших братьев?! Не ты ли говорил: кровь за кровь?!

– Я все сказал, Роже! Погрузите оружие и отправляйтесь. Оставьте мне одного мула. Я догоню вас позже. Разбойник ушел, продолжая ругаться. А шевалье подал мне руку и помог подняться с земли.

– Мне искренне жаль, дон Хуан, что так получилось. Не я начал эту войну. Я рад, что теперь мы квиты. В следующий раз, когда мы встретимся, я буду вынужден убить вас... Так что, хорошо бы нам не встречаться.

Я кивнул. Голова моя сильно кружилась. Анри де Бланше помог мне сесть на мула. Я ехал прочь и чувствовал, что француз смотрит мне в след.

Потом мы снова встретились. Примерно через месяц. Я перестал участвовать в вылазках против буканьеров. Стыдно признаться, но я боялся вновь повстречать шевалье. Мне было невыносимо думать, что придется стрелять в него или скрестить шпаги. В Альтамиру привозили трупы буканьеров и я всегда с замиранием глядел на них, боясь узнать среди мертвецов Анри.

С лесными бродягами разделились и без меня. Оставшиеся буканы влились в голландское поселение, которое исправно платило нам налоги. А мы с удовольствием покупали у них отменное жаркое.

Однажды я совершал конную прогулку, когда мой слуга Гансалес предостерегающе вскрикнул: – Смотрите, господин!

Я взглянул в указанном направлении и увидел, как на другом конце опушки леса, из кустов высунулся ствол мушкета. А вслед за ним появился и его хозяин. Я сразу же узнал голубые с серым отливом глаза. Он тоже узнал меня, рука его дернулась. Грянул выстрел. С меня сорвало шляпу.

Несколько минут мы пристально смотрели друг на друга. Потом Анри помахал мне рукой и скрылся среди деревьев. Похоже, он так и не смирился с нашим владычеством на острове. Прошло несколько лет. Я стал забывать благородного француза. И не мудрено, у меня появились другие заботы в виде племянницы моего друга дона Карлоса Диего де Васкеса. Я увидел это прелестное дитя на приеме у губернатора Эспаньолы. Увидел и заболел неизлечимой, как мне казалось, болезнью по имени любовь. Я уже был не тот наивный юноша, что ступил когда-то на берег самой богатой испанской колонии. На моих висках появилась седина, на лбу обозначились глубокие морщины, а сколько на моем теле было шрамов, я и сам доподлинно не знал. А тут я вдруг понял, что по-прежнему молод. Мне хотелось петь, блистать остроумием и во что бы то ни стало завоевать сердце прекрасной донны. Поначалу она дичилась меня, капризно хмурилась и всячески пыталась показать мне свое недовольство по поводу моих ухаживаний. Но я не сдавался. Я даже пел серенады под ее окнами, чем несказанно веселил дону Карлоса. Старый рубака был не прочь породниться со мной, но племянницу неволить не смел. Два месяца с лишним я добивался ее расположения и уже почти преуспел в этом. Недотрога согласилась на свидание. Но тут мне на плечи обрушилась страшная беда.

Мой отец, как специалист по фортификационным сооружениям был приглашен в Картахену. Его судно не пройдя и десяти миль от Эспаньолы, подверглось нападению флотилии Рока Бразильца. Когда мы приплыли к месту трагедии, все было кончено. Корабль, отца покачивался на якоре. Палуба усеяна окровавленными телами наших моряков и солдат. Мой мертвый отец стоял привязанный к мачте. К его груди кинжалом было прибито мерзкое послание. Я не мог читать, буквы расплывались перед глазами. Лишь последняя строчка зацепила взгляд: «Поклон от Рока Бразильца – хозяина флибустьерского моря».

Помню, я плакал. Плакал не стесняясь никого. Моя возлюбленная, донья Азусена, сама пришла ко мне в дом, чтобы утешить. Но я в пьяном бреду выгнал ее, ибо в моем сердце пылал огонь мести. Несчастная девушка выбежала от меня вся в слезах. Я наступил на белую лилию, грязным сапогом ненависти. Я желал одного: отомстить. Лично задушить проклятого пирата, вырвать его сердце и растоптать. Я нанялся в береговую охрану. Я, страдающий от морской болезни, стал моряком. Каждый божий день мы патрулировали побережье Эспаньолы. Но проклятый Бразилец все время ускользал от нас. Шли годы, но моя ярость не осла-

бевала. Мы потопили множество пиратских кораблей, но Рока среди них не было. Однажды мне сообщили, что на западной оконечности острова сел на мель корабль из флотилии неуловимого голландца. Тогда впервые на моем лице появилась злорадная усмешка. Увы, пленный француз сообщил нам, что Рок больше не адмирал. Негодяй повздорил со своими офицерами, напился пьяным и учинил в таверне кровавую резню. Зарубил несколько своих ближайших сподвижников, а когда остальные в ужасе бросились вон из таверны, Рок погнался за ними с обнажённой саблей. Поскольку он был сильно пьян, то догнать никого не смог и принялся вымещать злобу на прохожих. Изрубил десяток несчастных, а то и больше. Такие злодеяния не прощаются и на Тортуге. Заступничество губернатора спасло негодяя от виселицы, но офицеры отвернулись от него и увели свои корабли. По словам пленного, Рок отправился на Ямайку.

* * *

Здесь я приступаю к заключительной части своих записей.

Эспаньола становилась все богаче. Колония процветала. И в этом была и моя заслуга. Одиноким пиратским кораблям боялись приближаться к острову. «Испанское море для испанцев» говорил наш губернатор и я был с ним полностью согласен. А потом в Санто-Доминго прибыл дон Габриэль, посланник самого нашего монарха.

– Чего вы возитесь с проклятыми еретиками? – громогласно заявил он. – Топите случайные пиратские суденышки! Не лучше ли одним ударом покончить сразу со всеми ублюдками?! Я предлагаю вам, благородные доны, прибрать к рукам это прибежище порока и разбоя! Как насчет захвата Тортуги?!

**ОДНАЖДЫ
на
ЭСПАНЬОЛЕ**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
(заключительная)

Это легендарное событие произошло в 1654 году. Наша флотилия под командованием дона Габриэля отправилась покорять пиратский остров.

Мне тогда исполнилось двадцать семь лет. Свой день рождения я встретил под стенами Бас-Тера – столицы пиратской империи.

Не стану писать о тяготах нашего похода. Мы потеряли в этой битве две трети нашей армии. Но проклятый скальный форт сдался. Наши солдаты были так измотаны кровопролитными сражениями, что буквально валились с ног от усталости. Наш доблестный генерал говорил, что если бы осада продлилась хотя бы еще один день, он увел бы войска с Тортуги. Упрямый французский губернатор Фонтене вытребовал почетную сдачу. Никто и не подумал возражать.

Гарнизон Бас-Тера вышел из крепости с развевающимися знаменами и с мушкетами на плечах. Мы поразились, насколько мало осталось защитников форта. Два десятка, не больше. Они маршировали мимо нас, чумазные от копоти, как черти, но с гордым взглядом победителей. Среди этих оборванных и раненых героев я увидел Анри де Бланше. Он заметил меня в шеренге офицеров и слегка наклонил голову в приветствии. На его губах мельк-

нула улыбка. Мы отсалютовали отважным французам и даже предоставили им судно, чтобы они навсегда могли покинуть Тортугу. На бастионе Бас-Тера взвился гордый испанский стяг.

А на обратном пути случилось то, что я так долго ждал. Ждал и скрипел зубами от злости. Мы встретили корабль Рока Бразильца. Он спешил на Тортугу, не подозревая что остров, так похожий на огромную черепаху больше не принадлежит французской короне.

К нашему удивлению, пират и не подумал спастись бегством. Как потом выяснилось, он и не мог этого сделать, ибо днище его корабля сильно поросло ракушками. Бразильцу ничего не оставалось, как принять неравный бой. Дрался он отчаянно. Я даже думаю, что если бы пират успел совершить кренгование, он причинил бы нам еще более значительный ущерб. Лишенная маневренности двадцати пушечная флибустьерская бригантина чуть не отправила на одно один из наших кораблей и еще у двух напрочь снесла весь такелаж. Но чудес не бывает. Мы взяли мерзавца на abordаж. Еще до того, как наши корабли с глухим стуком столкнулись бортами, я, совершив немыслимый прыжок, очутился на вражеской палубе, вооруженный сразу двумя шпагами. Мне было плевать, что мои солдаты замешкались, и я сейчас противостою почти тремстам головорезам. Ненависть к убийце моего отца заставила меня забыть об осторожности. Я превратился в беспощадную машину для убийства. Я колот, рубил, уворачивался от нацеленных на меня ударов и снова колот и рубил. Когда мои солдаты посыпались на пиратский корабль, у моих ног уже громоздилась изрядная куча мертвых тел. Пираты видимо не ожидали от меня такой бешеной ярости, но вскоре пришли в себя и бой вспыхнул с новой силой. В этот момент я боялся одного: Бразильца убьет кто-нибудь другой.

– Бразилец мой! – заорал я что есть мочи. Но из-за грохота выстрелов и лязга стали, меня навряд ли кто-нибудь услышал.

В такой кровавой сече мне еще не приходилось участвовать. Мои сапоги скользили на человеческих внутренностях, пот застилал глаза, камзол был изорван в клочья, а мой клинок, мой толедский клинок, спасавший меня от вражеских шпаг, рапир, abordажных сабель и даже алебард, сломался...

Но слава небесам! Я увидел Бразильца! Прикончив пару негодяев, отделяющих меня от вожака пиратов, я вступил с ним в схватку. Увернулся от окровавленной abordажной сабли и вонзил обломок клинка ему в плечо. Бразилец взвыл и выронил саблю, а я нанес ему удар в лицо рукояткой шпаги.

Он извивался у моих ног, рычал и хрипел. В припадке бешеной злобы, пытался прокусить мои сапоги. А я осатанел от ярости. Я избивал негодяя ногами с мрачным удовлетворением замечая, как ослабевает его сопротивление. Несомненно, я забил бы его на смерть, если бы мне не помешали. На мне повисли наши офицеры. Кто-то увещевал меня:

– Успокойтесь, дон Хуан! Пираты сдались!

Я обвел мутным взглядом палубу. Оставшиеся в живых флибустьеры смотрели на меня с ужасом, а у моих ног, в луже крови, валялся легендарный Рок Бразилец.

Словно в тумане до меня доносились голоса:

– Негодяй получил сполна. Этого голландского ублюдка хочет видеть сам король.

Я с трудом нагнулся, подобрал свой сломанный клинок и побрел прочь.

Позже Бразильца действительно отправили к нашему монарху, который очень желал взглянуть на самого знаменитого пирата Тортуги и Ямайки. Вот только доподлинно известно, что до Испании пират не добрался. Ходили разные слухи. Кто-то говорил, что Бразилец удрал, другие уверяли, что он предпочел покончить жизнь самоубийством, прыгнув в море, но мне, кажется, более правдоподобной версия сержанта береговой охраны, что гордый испанский капитан, перевозивший пирата, не выдержал постоянных насмешек Бразильца и попросту приказал вздернуть его на рее, вопреки приказу короля. Как бы там ни

было, больше о проклятом пирате я не слышал. Его имя исчезло с просторов карибского бассейна.

Забегая вперед скажу: Пройдет каких-то десять – пятнадцать лет и из мрачных углов преисподней, вылезут такие монстры, что перед их кровавыми деяниями, померкнут все преступления Рока Бразильца. Но меня к этому времени уже не будет на Эспаньоле.

* * *

После пленения Рока Бразильца я чувствовал какую-то опустошенность. Я устал от постоянных сражений и убийств. Мне вдруг нестерпимо захотелось покоя. Во сне мне снилась Фландрия. Я задыхался от пряных запахов тропиков и проклинал удушливую жару и москитов. Кроме того, новый губернатор острова, дон Бернардино де Менесеса Бракамонте-и-Сапату, граф Пеньяльба, не слишком благоволил мне. После разговоров с ним, я страшно злился, а порой, мне хотелось убить его. Этот напыщенный вельможа приказал удалить испанский гарнизон с Тортуги, разрушить все фортификации и затопить в двух проливах острова несколько старых судов, наполненных камнями. Этот осел полагал, что таким образом он сможет запереть вход в гавань Тортуги. Я спорил с ним до хрипоты, но лишь добился того, что меня перестали пускать на военные советы. И я, возможно, свихнулся бы от черной меланхолии, но меня спасла донья Азусена. Эта милая девушка согласилась выйти за меня замуж. Через год она подарила мне сына. Тогда я твердо решил покинуть Эспаньолу. Напрасно дон Карлос уверял меня, что во Фландрии я не обрету желаемого покоя, ибо алчные французский и испанский монархи, никак не могут поделить между собой эту чудесную страну. На улицах постоянно вспыхивают дуэли между французами и испанцами, льется кровь и звучат выстрелы. Но я был непреклонен. Единственное, что останавливало меня, это моя бедность. За столько лет пребывания в самой богатой кастильской колонии, я не слишком разбогател. А отправляться во Фландрию с худым кошельком мне казалось неразумным.

Мне помог случай.

Однажды мой друг дон Карлос Диего де Васкес предложил мне поохотиться на черных пантер.

– Спасибо, дон Карлос, – ответил я. – Но я не охочусь на беглых негров.

– Что вы, дон Хуан! Я говорю о настоящей черной кошке! Её выследили мои слуги!

– Полноте! Со времен Кристобалья Колона, на острове не осталось ни одной черной пантеры. Их всех истребили вместе с индейцами.

– И, тем не менее, мои слуги видели её! Так что берите свой лучший мушкет и в путь! Уверен, донья Азусена будет счастлива получить шкуру этого прекрасного зверя!

Мой друг оказался прав. Настоящая черная пантера. Грациозная кошка возлежала на стволе поваленного дерева и самозабвенно вылизывала широкую, как лопата лапищу, покрытую густой лоснящейся смоляной шерстью.

Мы подкрадывались к ней с нескольких сторон. И хотя, я никогда не был заядлым охотником, меня охватил азарт. Мне хотелось непременно самому пристрелить этого редкого хищника.

Пантера почуяла нас. Черная тень скользнула с дерева, прижалась к земле. Из высокой травы выглядывал лишь кусочек ее головы. Я поднял мушкет, но расстояние было еще слишком велико. Я сделал шаг и вдруг с шумом и треском провалился в яму.

Яма оказалась глубокой. При падении я сломал руку и потерял сознание от боли.

Очнулся я от криков моего слуги Гансалеса:

– Господин, вы живы?!

– Жив. – прошипел я и с трудом сел. Огляделся. Вокруг меня громоздились какие-то глиняные сосуды. Восемь штук. Шесть из них были заполнены каким-то едким порошком, вдохнув который я чихал и кашлял до рвоты. Зато в двух оставшихся было золото! Много

золота в виде грубо выплавленных украшений. Без всякого сомнения, это был тайник еще со времен индейцев. Так я стал богачом.

Ничто больше не препятствовало мне покинуть Эспаньолу. Через два месяца, когда моя рука зажила, я устроил прощальный ужин друзьям и отплыл в Европу. Я стоял на борту корабля и смотрел, как остров, на котором я прожил больше тринадцати лет, исчезает в туманной дымке. Остров, который я защищал для испанской короны, не жалея собственной жизни, остров, на котором я встретил свою любовь. Остров, на котором родился мой сын. Остров, на котором, возможно, я был счастлив, несмотря на то, что он стал могилой моего отца.

В дороге меня догнало известие, что к Эспаньоле приближается огромный английский флот с намерением покончить с господством испанцев в Западных Индиях. Я потребовал от капитана немедленного возвращения. Но моя жена, презрев свое благородное происхождение, на коленях молила меня отказаться от этого безумного поступка. Донья Азусена, рыдая кричала мне, что я не вправе приносить в жертву своей воинской гордыне ее жизнь и жизнь нашего малыша. С тяжелым сердцем я смирился. Наш корабль покидал Новый Свет, где вновь разгорался пожар войны. Я застал рассвет Эспаньолы и очень рад, что не увидел ее закат...

* * *

Прошло много лет. Я стал важным и степенным. На Эспаньоле я пролил столько своей и чужой крови, что это окончательно отвратило меня от желания вновь ее проливать. Даже на улицу я выходил без шпаги. Я утратил интерес к фехтованию, но мной овладела новая страсть: писательство. С почти юношеским задором я вновь переживал давние приключения и писал, писал. Я издал книгу о своих карибских похождениях и она стала очень популярной не только в Брюсселе, но и в Испании. Даже его величество, король настоятельно приглашал меня покинуть беспокойную Фландрию и поселиться в Мадриде, обещая назначить мне солидную пенсию в награду за мои воинские заслуги. Но я твердо решил, что буду жить и умирать во Фландрии. Над моим письменным столом висит сломанный толедский клинок, мой верный друг и соратник, который никогда не предавал меня в годы лихих сражений. Иногда я разговариваю с ним, и мне кажется, что он отвечает мне.

Мне не о чем жалеть, моя жизнь была насыщенной и бурной, у меня прекрасная жена и пятеро детей. Красавица дочка и четверо мальчишек. А самый младший, Педро, вылитый я в молодости. Он единственный, кто питает неуёмную страсть к фехтованию. Как и я, он в четыре года взял в руки шпагу. Сейчас ему восемь и наблюдая за его успехами, я не удивлюсь, если его станут величать первым клинком Брюсселя.

Однажды, когда я по обыкновению, предавался воспоминаниям, ко мне подошла моя уважаемая супруга и строгим голосом сказала:

— Ах, дон Хуан, вы, несомненно, по прежнему в мыслях на дорогой вашему сердцу Эспаньоле. Гонятесь за буканьерами и охотитесь на черных пантер. Но прошу вас, ненадолго спуститесь на нашу грешную землю и обратит внимание на вашего младшего сына. Мне кажется, что с Педро происходит неладное.

Сына я застал в слезах. На мой вопрошающий взгляд, он ответил ревом и, грозя кому-то кулачком закричал:

— Я убью эту старую французскую крысу!

— Дон Педро! Извольте утереть слезы, неподобающие вашему благородному происхождению и объяснить мне, что произошло!

А произошло следующее. Некто, Роже Мантильяк, основатель новой фехтовальной школы, прилюдно выдрал за уши моего отпрыска за использование в поединках недозволенных приемов. Мне стало смешно. История повторяется. Этот Мантильяк, по слухам, был непревзойденным мастером клинка, сочетающий в своих уроках все лучшие достижения

европейских школ. Именно поэтому я и отдал ему Педро в ученики. Но драть за уши благородного донна, это, пожалуй, перебор. Придется навестить этого господина.

На следующее утро я отправился в фехтовальную школу.

Звон клинков, витающее в воздухе возбуждение, радостные детские крики, непередаваемый дух борьбы. И в центре этого буйства восторга высокий худой старик.

Он что-то выговаривал одному из учеников, стоя ко мне спиной.

– Месье де Мантильяк? – строгим голосом обратился я к нему и вдруг оцепенел. Потому что старик обернулся. На меня смотрели насмешливые голубые глаза. Глаза Анри де Бланше!

Я не смог сдержать вопль радости.

– Анри! Это вы?!

Худой старик поклонился.

– Здравствуйте, дон Хуан.

А в следующий миг мы бросились друг другу в объятия. Мы, давние соперники и враги, смеялись, как дети, беззлобно пихались и не могли успокоиться. Когда первый восторг прошел, я воскликнул:

– Анри, но почему Мантильяк?

– Эх, дон Хуан, мое имя слишком известно в карибском бассейне. А Фландрия пока еще испанская. Мне очень не хотелось быть вздернутым за мое флибустьерское прошлое.

– Если бы я знал, дорогой Анри, что мэтр Мантильяк это вы!

– А я напротив, хорошо знал, чьего сына оттрепал за уши. Я здесь уже два года. Сколько раз мне хотелось навестить вас, но я не знал, как вы отреагируете на мое появление, ведь, положив руку на сердце, я причинил испанской короне не малый вред.

– Как вам не стыдно, Бланше! Неужели вы так плохо думали обо мне?

– Люди меняются, дорогой дон Хуан. Но теперь я вижу, что вы все тот же благородный мальчишка, для которого чувство благодарности превышает кастильских амбиций.

Так, в возрасте пятидесяти семи лет я обрел своего самого верного друга. Никакие монаршие баталии не могли помешать нашей дружбе. Нас тянуло друг другу, как магнитом. Мы встречались каждый день и предавались воспоминаниям. Я читал Анри свои записи, он внимательно слушал и иногда вносил существенные поправки. Однажды он огорошил меня известием, что Рок Бразилец действительно сбежал тогда с испанского корабля.

– Как?! – воскликнул я. – Вы хотите сказать, что этот негодяй жив?!

– Нет. Уже нет. В 1681 году ваши соотечественники захватили его в заливе Кампече. Насколько мне известно, инквизиция изрядно поработала над ним, чтобы выбить у него признания о закопанных сокровищах. Рок любил зарывать клады на разных островах. Похоже, большинство из них достались испанской короне. Ваши земляки неимоверно жадны.

– Как буд-то французы щедры!

После этих словесных баталий мы всегда смеялись.

Любимая фраза шевалье была: «Дон Хуан, вы единственный испанец, которого я люблю, как брата!»

До сих пор я слышу его озорной молодой голос.

Дай Бог каждому человеку такого друга. Такого, каким был Анри де Бланше.

* * *

18 век. Ничего не изменилось. Все та же политическая нестабильность. Испанские Нидерланды превратились в арену соперничества французских Бурбонов и австрийских Габсбургов. Людовик XIV не оставляет попыток подмять под себя Фландрию. Французы захватили Турне, Дуэ, Лилль, Кассель. Под моими окнами грохочут их пушки. А я сижу за письменным столом и вспоминаю слова Анри: «Верьте мне, дон Хуан, никогда эта

страна не будет принадлежать ни испанской, ни французской короне. Это голландская земля. И пусть же они владеют ею по праву!»

Восемь лет минуло со дня кончины моего друга. Его буканьерский мушкет висит у меня над головой, рядом со сломанным толедским клинком.

На улице слышна пальба. Шальная пуля вбивается в стену рядом с моей головой. Я улыбаюсь. Я слишком стар, чтобы чего-то бояться. Все что у меня осталось это мои воспоминания. Я закрываю глаза. Реальность расплывается. Я полной грудью вдыхаю пряный аромат тропиков. Над моей головой колышутся пальмы. Я стою на опушке. А с другой ее стороны из леса выходит шевалье Анри де Бланше. Молодой и веселый. Он приветливо машет мне рукой.

– Здравствуй, Анри!

Сентябрь 2012 года

Золотая статуэтка Одина

Они появились внезапно. Из предрассветного липкого тумана вынырнула оскаленная драконья морда и угрожающе нависла над берегом, гипнотизируя страшным безжизненным взглядом жителей деревни. Полосатый парус, еле различимый в сером мареве, трепетал на ветру и издавал глухие хлопающие звуки. В мертвой тишине, они слышались пугающе громко, словно неведомый злой дух колотил в огромный барабан. Даже сторожевые псы забыли, как лаять и трусливо жались к ногам хозяев. А люди окаменели от ужаса. Животный страх выворачивал внутренности и выжигал глаза. С обреченностью жертвенных овец, они смотрели на огромных страшных людей, лениво спрыгивающих с ладьи и бредущих к ним с глумливыми ухмылками победителей. Никто из пришельцев даже не извлек меча. Зачем? Здесь не с кем было воевать.

Когда до разбойников оставалось не более половины полета стрелы, одна из женщин истошно завопила:

– Нурманы! Нурманы!

Этот крик послужил сигналом. Люди закричали, заметались, бросились врассыпную, натываясь друг на друга, падая. Наиболее разумные бросились к лесу, надеясь схорониться от лихих людей в непролазной густой чаще. Но было поздно. Викинги не собирались терять пленников. Среди высоких елей матово сверкнули стальные шлемы. Бородатые громилы с хохотом хлопали в ладоши, свистели и улюлюкали. Несчастные беглецы с воплями повернули назад, где их уже ждали другие злодеи.

Милава вздрогнула и проснулась. Какой жуткий крик. Так кричала мама, когда брата задрал голодный медведь. Она разбросала в стороны уютное, пахнущее молоком сено, выскочила во двор и остолбенела. Милава много раз слышала леденящие душу истории о кровожадности разбойников с севера. Знала, что эти нелюди едят человечину и пьют кровь младенцев, но то, что открылось ее взору, заставило ее открыть рот в немом вопле.

Повсюду валялись окровавленные тела соплеменников. Оставшиеся в живых метались по двору, оглашая окрестности истеричными воплями. Захватчики хохотали. Ловили приглянувшихся им женщин и тут же насиловали. Другие разбойники сгоняли селян в кучу, придирчиво оглядывали и если решали, что такой раб мало пригоден в хозяйстве, убивали. Делали они это небрежно с привычной ленцой. В их языке не существовало слово милосердие. Седой викинг ухватил старую Смеяну за волосы, чиркнул ножом по горлу и, не дожидаясь пока труп упадет на землю, потянулся за ее маленьким внуком. Милава зажмурилась. Она забыла, как дышать. И очнулась лишь, когда услышала крик мамы.

Здоровенный нурман, заросший рыжими волосами до самых бровей ухватил маму за шею, притянул к себе, утробно зарычал и лизнул ее в щеку. Женщина сжалась от ужаса, а викинг захохотал и одним рывком разодрал на ней рубаху. И тут появился отец. В его руках были вилы. Выставив свое оружие вперед, он смело ринулся на врага. Нурман засмеялся громче, отшвырнул женщину прочь и легко уклонился от выпада. Милава даже не поняла, когда он успел выхватить меч. Похоже, что тот сам прыгнул ему в руку. Викинг играючи перерубил древко, а потом отсек отцу руку. Сначала правую, затем левую. Небрежно смахнул голову с плеч. А потом... Потом он повалил маму на траву и навалился сверху. Милава опустила на колени и завывала. Завывала громко, надрывно.

Кто-то ухватил ее за волосы, вздернул на ноги. Какой-то нурман оттянул ей подбородок и придирчиво осмотрел зубы. Затем ее пихнули в спину и погнали в сторону понуро бредущих односельчан. Она оглянулась. Ее родители неподвижно лежали на земле. Позже ей расскажут, что мама сильно сопротивлялась и рыжий нурман свернул ей в бешенстве шею. А еще она посмотрела убийце в глаза. Он деловито заплетал разлохматившуюся косичку,

но почувствовал ее взгляд, прищурился, разглядывая маленькую девочку, глумливо подмигнул. Милава оскалилась и погрозила ему крошечным кулачком. Брови нурмана удивленно взлетели вверх. Он скорчил страшную рожу. Потом не выдержал и захохотал. На губах пена, на шее маленькая сверкающая статуэтка, которая раскачивалась в такт хохота и колотилась о его широкую, как большая бочка грудь.

Она понуро сидела на корме отплывающего драккара, уткнув заплаканное личико в колени. Лишь раз она взглянула в сторону родного берега. Там, где прошло ее детство, клубился густой черный дым.

* * *

Ей снился Вятко. Голубоглазый словенский юноша пять лет назад купленный хозяином в Селунде. Без него она давно бы забыла певучий родной язык, а теперь она каждый день искала встречи со смешным веснушчатый трэлем, таким же рабом, как и она сама. Она опускала голову на его плечо и млела, слушая его тихий шепот: « Милавушка, Лебедушка моя, птаха моя ясноокая».

Ее участь была не слишком тяжелой. Норвежцы рачительные хозяева и без нужды не причиняют вред своей собственности. Уже десять лет её домом был скалистый продуваемый северными ветрами фиорд. А вместо теплой веселой речки, у ног рокочет холодный пенный океан. Она привыкла. И уже не вспоминала Гардарику, так здесь называли её далекую Родину. Ей дали новое имя. Гудрун. Старое казалось нурегам нелепым и непристойным. Гудрун так Гудрун. Рутинная женская работа: молоть зерно, стряпать, доить коз. Была и еще одна обязанность: дарить утехы мужской половине рода. Два рослых хозяйских сына особо выделяли красивую словенскую рабыню. Да и сам хозяин, Магнус Хромой, при случае не отказывался задрать ей подол. Все это она воспринимала спокойно и отрешенно. Мужики есть мужики. И мрачно улыбалась, когда хозяева удивленно спорили, почему до сих пор

никому не удалось осеменить её. Это была ее тайна. Еще в первый год пребывания в фиорде, маленькую смышленную девочку заметила старая ведьма Аудхельга, целительница и ведунья. От нее Гудрун узнала много древних рецептов врачевания, наговоров и приворотов. Научилась разгадывать сны и вещать будущее. Ее статус заметно возрос, особенно после смерти Аудхельги. Лекари и вещуньи всегда особо ценились на Севере. Слыша недовольное бурчание младшего сына Магнуса: «Девка справная, но порченная. По всему видать, ведьма. Не зря старая корга взяла ее в ученицы», она смеялась: Думайте что хотите, люди Севера, но рожать трэлей я вам не буду.

Ей снился Вятко. Он шел к ней, протягивал руки. И вдруг скрылся в тумане. Станный тягучий, холодный туман, неестественно красного цвета. Он густел, обволакивал тело, ледяными иглками впивался под кожу. Словно вязкий кисель стекал по лицу, заползал в ноздри, застыл на губах. Кровь! Это была кровь! Она закричала. Из колышущихся багровых щупалец пробился голос Вятки: «Милавушка!» Она рванула на зов, вытянула вперед руки, ощущая пространство. Ладони коснулись живой плоти. Нашла!

Но странное дело. В том месте, где должно быть лицо, ее пальцы ощутили чужую бугристую грудь. Огромную, мускулистую. А еще она ненароком коснулась какого-то предмета. Она напрягла глаза и вдруг в ужасе отшатнулась. На потертом кожаном ремешке висела золотая статуэтка Одина. А потом из тумана вынырнула страшная рыжебородая физиономия. Глянула на нее и глумливо подмигнула. И тогда Милава завывала. Громко надрывно, как десять лет назад.

– Гудрун, просыпайся!

Её настойчиво тормошили за плечо. Милава поднялась. По щекам обильно струился пот. «Как душно». Она задрала голову к потолку. «Конечно. Кто-то додумался закрыть дымогон. В помещении плавал сизый едкий дым.

Она взглянула на Тиру, пожилую сгорбленную рабыню.

– Что случилось?

– Гости! К хозяину приехали важные люди. Говорят, сам Тьёвди Красноголовый! Известный скальд! Разве ты никогда не слыхала про него?

– Нет. – равнодушно отозвалась Гудрун. Она размышляла, чтобы значил этот удивительный сон. Его необходимо разгадать.

– Хозяин велел одеть лучшие наряды и не забудь те бусы, что он подарил тебе два года назад.

Ничего удивительного. Магнус снова будет подкладывать ее гостям, как делал не единожды. После ночи проведенной с ней, многие желали выкупить ее у хозяина. Но Хромой заламывал такую цену, что покупатели сначала ошарашенно замирали, а потом начинали смеяться. Обычное дело. Викинги и щедрость – понятия не совместимые.

Во двор въехало десятков всадников. Впереди возвышался огромный детина в кольчужном доспехе. Низкорослая норвежская лошадь была ему явно мала. Ноги детины почти волочились по земле. Увидев хозяина, здоровяк издал волчий вой и легко спрыгнул на землю.

– Магнус! Старый пропойца! Как я рад видеть твою рожу!

– Тьёвди! Старый забияка! А я уж думал, франки нашинковали копьями твою шкуру!

– У них нет таких копий, чтобы пробить эту твердь!

Тьёвди стукнул кулачищем себя в грудь. Золотая статуэтка завертелась на кожаном шнурке, ослепительно сверкая на солнце.

Гудрун подавила в себе, рвавшийся наружу вопль. Теперь она знала, что означал её сон.

* * *

Тяжелые дубовые столы ломились от яств. Пиво и мёд текли рекой. А что еще нужно славным рубакам? Хорошая драка и шумная пирушка. Магнус Хромой взметнул вверх византийский кубок.

– Я хочу выпить за моего друга Тьёвди – хёвдинга! Тьёвди Красноголового! Тьёвди Скальда! Ближайшего друга самого конунга Рагнара Волосатые штаны!

Викинги заорали, засвистели, затопали ногами. Началось веселье. Здравницы сменяли друг друга со скоростью выпущенных хорошим лучником стрел. Девушки-трэли не успевали наполнять мгновенно пустеющие чаши и кубки. Слышался хохот, волчий вой и лай, вертящихся под ногами собак.

– Пусть скажет Тьёвди! – заорал младший сын Магнуса.

– Нет! – перебили его. – Тьёвди не говорит! Он поет! Он же скальд!

– Правильно! Пусть Красноголовый споет нам о последнем походе!

– Как велика была твоя добыча, воин?!

Тьёвди поднялся из-за стола, швырнул на пол недоеденную свиную ляжку и сказал:

– Я еще не сложил песню о нашем походе. Я сочиню её сейчас. И пусть боги помогут мне подобрать нужные слова.

– Правильно! – заорали пирующие. – Боги будут говорить твоим языком!

Красноголовый торжествующе оглядел собравшихся, откашлялся и запел густым красивым голосом:

*Знамя Ладброкка, пирующий ворон
Клекотом весть на драккары доставил,
Ждет нас удача в великом походе,
Самых достойных позвали Инглинги.
Даже Эгир, нам желая победы,
Черный котел свой забросил на небо,
Веслами вспенили синие воды,
Кнорры Ладброкка летящие птицей.
Мчались за нами в кровавых кольчугах
Девы —Валькирии — вестницы битвы.
Молнией жгучей, режущей сумрак,
Одина взор освещал нам дорогу.*

Далее певец переключился на себя. И рассказал, какой он достойный и великий воин. Любимец богов и баловень судьбы. Настолько достойный, что не боится носить на груди статуэтку самого Одина, тогда как другие осмеливаются нацепить на себя лишь молоток Тора.

Глаза Тьёвди возбужденно сверкали, когда он вещал слушателям, как под франкским городом Нантом, он нанизывал на меч сразу по восемь врагов. Насиловал за раз по десятку женщин и раньше всех врывался в храмы Белого Бога и, разумеется, первым отыскивал спрятанные монахами сокровища.

Гудрун смотрела на него и непроизвольно сжимала кулаки. Она не слушала его песню. Рыжая оскаленная физиономия расплывалась перед глазами, уступая место жадным языкам пламени и удушливому черному дыму. Нет, она не плакала. Она давно разучилась это делать.

Красноголовый закончил петь, тяжело плюхнулся на скамью и потребовал медовухи. Веселье продолжалось. Захмелевшие нурегы затевали потасовки, лапали рабынь и горлалили непристойные песни. Кого-то из девушек ненадолго уводили. Потом они возвращались раскрасневшиеся и уставшие. Её и саму несколько раз утаскивали на сеновал, но Тьёвди так ни разу и не взглянул на неё. Напрасно Гудрун старалась держаться поближе к Красноголовому. Случайно задевала бедром, призывно улыбалась. Единственно чего она добилась, так это то, что рыжий детина звонко шлепнул её пониже спины и приказал принести пива.

Гости гуляли три дня. А на четвертый засобирались в дорогу.

Тьёвди оседлал своего низкорослого конька, махнул на прощание радушным хозяевам и уже собирался уезжать, когда на его стремяни повисла Гудрун.

– Купи меня, славный хёвдинг! Прошу тебя!

– Тебя? – удивился викинг. – Тебя что хозяин обижает?

– Нет. Он добрый. Но мне милее ты. Купи! Я буду ласкать тебя день и ночь и доставлю такое наслаждение, которое не сможет подарить другая женщина!

Красноголовый задумался. Как и всякий викинг, он неохотно расставался с деньгами.

– А чем тебя не устраивает Магнус?

– Он простой хускарл, а ты хёвдинг! Ты герой! О тебе ходят легенды! Ты лучший скальд на Севере! Тебя любят боги! Я хочу быть твоей!

На лице Тьёвди появилась довольная ухмылка.

– В этом ты права. Таких, как я, немного. – он повернулся к хозяину. – Эй, Магнус! Продай мне эту девку!

– Три марки серебра! – привычно назвал цену Хромой.

Красноголовый даже хрюкнул от негодования.

– Ты в своем уме, Магнус?! За эти деньги я куплю пять трэлей!

– Она не просто рабыня. Она знахарка и ведунья. Я и так дешево отдаю, по дружбе.

Красноголовый расхохотался и тронул поводья коня.

– Подожди! – быстро зашептала Гудрун. – У меня есть пять марок! Эти деньги твои!

В глазах викинга вспыхнула алчность.

– Откуда у тебя столько?

– Мне иногда платили за любовь. Я копила. Мне не жаль отдать их тебе.

(Не рассказывать же ему, что этой ночью она посетила сокровищницу Хромого...)

Красноголовый наклонился к Гудрун, заглянул в глаза и пообещал свистящим шепотом:

– Если ты обманула меня, я сдеру с тебя живьем шкуру.

Затем он крикнул хозяину:

– Твоя взяла, Магнус! Я хочу эту девку!

Красноголовый усадил Гудрун впереди себя на седло и маленький отряд покинул усадьбу Хромого. На прощание она оглянулась, нашла в толпе провожающих Вятко и прошептала: «Прощай, любимый».

Юноша смотрел ей в след и плакал.

* * *

Голова Тьёвди внезапно закружилась. Он отшвырнул от себя Гудрун и тяжело поднялся с ложа. Схватил глиняный кувшин и надолго припал к нему губами. Довольно фыркнул, уронил кувшин на пол и хрипло расхохотался.

– Ты совсем укатала меня, девочка!

Гудрун, грациозно развалившись на медвежьих шкурах, с улыбкой ответила:

– Ты много выпил, милый. А мы ведь только начали.

– Глупая женщина. Я только начал пить. Просто мне давно не попадалась такая резвая кобылка!

В подтверждение своих слов, викинг покачнулся. Удивленно икнул и рухнул обратно на ложе. Глаза Гудрун превратились в узкие щелочки. Ей больше не было нужды притворяться.

– Я хочу спать. – заявил Красноголовый и вдруг услышал:

– Да. Ты уснешь! Уснешь навеки!

А в следующий миг острый клинок вонзился ему под ребра.

Тьёвди заорал от неожиданности и попытался вскочить. Но невидимая тяжесть навалилась на плечи, не давая подняться. С ненавистью глядел он на золотоволосую рабыню, стоящую над ним и презрительно улыбающуюся.

– Тварь! Что ты сделала?!

– Я убила тебя, Тьёвди Красноголовый! Как ты десять лет назад убил моих родителей! Я дала тебе выпить яду и пронзила твою печень кинжалом! Но прежде чем ты умрешь, я хочу, чтобы ты вспомнил безымянную деревушку в Гардарике и маленькую девочку, чью жизнь ты растоптал!

Конечно, он ничего не помнил. За свою жизнь он разграбил десятки таких деревень. Гудрун приблизилась к нему, оскалила зубы и погрозила кулаком. И ей показалось, что в его, подернутых смертью глазах, вспыхнул огонек узнавания.

А потом его тело выгнулось дугой, а на губах запузырилась пена.

Гудрун оделась, подошла к мертвому телу и сорвала с его шеи украшение – золотую статуэтку Одина.

* * *

Она карабкалась на вершину высокого утеса, а за ней по пятам лезли сыновья Тьёвди и его дружинники.

Лысая шишковатая голова каменного исполина. Далеко внизу раскинулся ковром седой океан с рваным узором прибоя. Над головой бескрайнее небо с величаво парящими орлами. Гудрун вдохнула свежий прохладный воздух. Никогда ей не было так спокойно и легко. И еще, ей не было страшно.

– Гудрун! Стерва! – заорал старший из тьёвдисонов. – Спускайся вниз! Не заставляй тащить тебя за косы!

Она взглянула на него и звонко рассмеялась.

– Слушайте меня, люди Севера! Я не Гудрун! Я никогда ей не была! Запомните моё имя, вы, любящие забирать чужие жизни! Меня зовут Милава! Милава из Гардарики! Я убила Тьёвди Красноголового и похитила его душу! И теперь он никогда не попадет в Вальгаллу, ибо погиб не на поле брани, а пал от руки слабой женщины! А символ вашего лживого бога я забираю с собой!

Она показала им талисман, снятый с груди Тьёвди. И услышав в ответ злобное рычание, засмеялась.

А потом она шагнула с утеса в бездну. И на границе между жизнью и смертью увидела она лица родителей, и светлый лик того, кто любил её больше всех на свете. И попросила у него прощения.

Темный свод океана сомкнулся над её головой. С мрачной улыбкой опускалась она на дно, крепко сжимая в кулачке золотую статуэтку Одина.

Июль 2012 года

Воин Севера

Харальду Краснозубому не повезло четырежды. Первый раз, когда он лишился лучшего лоцмана. Бьерн Счастливый перебрал пива на пирушке и в запальчивости обозвал Гунара Длиннорукого тупым моржом. Страшное оскорбление для викинга. Длиннорукий немедленно вызвал обидчика на поединок. Напрасно Харальд предлагал за глупца щедрый вергельд – Гунар, как и его вождь, ярл Ивар Бескостный, слишком любил безнаказанно проливать кровь.

На хольмганг пришло мало народу: лишь мрачные хирдманы Харальда и несколько дружков Длиннорукого. Все понимали – зрелищного поединка не будет. Свей Гунар был очень хорошим воином. В насмешку над противником, он даже не снял рубаху и не взял в руку щит. Молнией сверкнуло лезвие меча, и голова несчастного лоцмана покатилась по земле. Гунар склонился над убитым и издевательски спросил: «Эй, ты чего лежишь? Ты что, умер?». При этом свей глумливо поддел сапогом голову Бьерна.

Такое неуважение к мертвому вызвало бурю возмущения среди викингов. С трудом Харальд удержал своих людей от необдуманных действий. Не хватало, чтобы Гунар убил еще нескольких.

Так он лишился Бьерна, который носил гордое прозвище Счастливый за умение находить фарватер даже в незнакомых заливах. И это накануне Великого похода, который затеял сам конунг Рагнар Волосатые штаны.

Пришлось взять другого лоцмана. Тот не был Счастливым. В этом Краснозубый убедился, когда драккар сел на мель. Напрасно Харальд возносил молитвы Ньерну и бросал за борт щедрые подношения. Очевидно, скандинавскому богу морей было наплевать

на франкскую речку Луару. Зато от души повеселился злонравный Эгир. В плеске волн ярл отчетливо услышал его шелестящий смех.

В результате они потеряли время, и все сокровища достались более удачливым. Краснозубый был в бешенстве. Он видел насмешливые физиономии других ярлов, видел, как велика их добыча, и в ярости сжимал кулаки. Всегда внешне спокойный, Харальд сейчас напоминал пробудившийся вулкан: глаза пылают, на красной роже выступили капельки пота, бородачи дыбом, а крепкие пальцы беспрестанно теребят рукоять меча. Какой-то хускарл глянул на него с озорной веселостью и потряс в воздухе целой вязанкой жемчужных бус. Краснозубый воспринял это как вызов и, коротко рыкнув, двинулся на обидчика. В этот момент на его плечо опустилась тяжелая рука хёвдинга Торстейна Вилобородого.

– Погоди, Харальд.

– Чего тебе?! – взревел Краснозубый, не сводя яростных глаз с насмешливого хускарла.

– Мы с парнями подумали – негоже нам глотать слюни, как несмышлёным дренгам. Истинный воин всегда найдет добычу. В Валланде много богатых городов.

Харальд нахмурился:

– О чем ты?

– Поднимемся вверх по реке. Пока инглинги делят добычу, что помешает нам пошарить по побережью. Глядишь, и себя не обидим.

Краснозубый размышлял недолго.

– Собирай всех. Уходим.

Три драккара Харальда, не привлекая излишнего внимания, снялись с якоря и покинули пылающий Нант, где сыновья Рагнара Ландброка предавались кровавым оргиям, убивая мужчин и насилая женщин. Безумное веселье продлится несколько дней, после чего в богатейшем франкском городе не останется ни одного живого человека. Рагнарсонам не нужны рабы. Ведь впереди их ждет куш посерьёзнее – Париж.

Уж если богам вздумалось поиздеваться над незадачливыми смертными, делают это они с особой изощренностью. Харальду снова не повезло. Туман, на который он так рассчитывал, рассеялся, как рассеялись и надежды на внезапную атаку. Вдобавок глазастый пастушок рассмотрел на горизонте чужие полосатые паруса и стрелой помчался в город рассказать о незваных гостях.

Барон Ваннский насмешливо крутил пальцами длинный ус:

– Всего три корабля. На что рассчитывают эти северные дикари?

– Один из них большой, – мрачно заметил командир гарнизона шевалье де Вилье. – Всего, примерно, полтораста гребцов. Слава Богу, что войско графа Анжерского уже на подходе. Сир, надо срочно организовать оборону.

Барон едва не поперхнулся от возмущения:

– Оборону?! Ты в своем уме?! Сто пятьдесят разбойников супротив наших семи сотен солдат?! Да мы раздавим их, как мокриц! Немедленно трубить общий сбор!

– Сир, это неразумно. Вы не знаете, на что способны норманны. Поверьте, сто пятьдесят воинов – это очень много.

Но барон уже не слушал. Мысленно он показывал графу Анжерскому трофеи в виде изрубленных тел викингов.

– Это хорошо, что берег высокий. С воды они нас не увидят, – бормотал барон. – Мы затаимся, а когда они высадятся – ударим. Сначала лучники, потом мечники. Я сам поведу солдат в атаку.

В хирде хёвдинга Торстейна Вилобородого было тридцать четыре воина. Умелые и опытные рубаки. В тридцати трех хевдинг не сомневался, знал их не первый год, а вот тридцать четвертый был, по мнению вождя, балластом. Звался этот двухметровый рыжебородый детина Сигурд Белоглазый и за плечами имел лишь один подвиг, когда убил кулаком ручного

медведя. Зря он это сделал, ибо отец Сигурда был берсерком, и медведь являлся тотемным зверем их рода. Не оттого ли все, что ни делал Сигурд Олафсон, выходило из рук вон плохо. Насколько помнил хевдинг, этот здоровяк не победил ни в одном поединке, не одержал вверх ни в одном единоборстве, исключая борьбу, совершенно не умел стрелять из лука и плавал хуже любого дренга. Именно поэтому Белоглазый, достигнув солидного для викинга возраста – этой весной ему исполнилось тридцать лет – не участвовал ни в одном военном походе и махал мечом лишь в междоусобных войнах своего ярла. Впрочем, и в них он не снискал воинской славы. Единственно, в чем ему повезло, так это в любви. На него положила глаз сестра Торстейна – толстушка Брунхильда. И как хевдинг ни противился – пришлось сыграть свадьбу. Она-то и потребовала от брата не позорить любимого муженька и взять с собой в поход. Глаза у Брунхильды всегда были завидующие, небось, надеется на сказочные подарки, что добудет этот недотепа.

Торстейн оглянулся на Сигурда и печально вздохнул. Единственный глаз хирдмана просто лучился счастьем, другой затянуло отвратительное бельмо, за что он и получил свое прозвище.

Белоглазый улыбался, без напряжения выжимая тяжелое дубовое весло и шурился, как придурок. Хевдинг в который раз отругал себя за то, что поддался уговорам глупой женщины и взял в поход такого никудышного воина. «Неумеха, да еще и одноглазый! Впрочем, причем здесь одноглазый? У Великого Одина тоже нет левого глаза». От неудачного сравнения Торстейн нахмурился и опасливо взглянул на небо.

Рядом с хевдингом, под форштевнем, уже украшенным позолоченной драконьей мордой, сидел варяг Мелигаст – лучший воин хирда. Этот, по обыкновению, расчесывал длинные, свисающие до груди усы, костяным гребнем. Делал он это неторопливо и основательно. «Видать, готовится к битве. Сейчас закончит с усами и примется за чуб, торчащий из бритого черепа, словно лошадиный хвост. Странные эти варяги, но воины отменные. Не многие умеют так плясать обоими мечами, как Мелигаст. Не зря он носит прозвище «Двоерукий». Хорошее настроение понемногу возвращалось к хевдингу. Даже Белоглазый больше не вызывал раздражения.

С головного драккара Харальда протяжно пропел рожок.

– Дошли. Слава богам, – Произнес Торстейн и усмехнулся.

На корабле ярла гребцы подняли весла, давая двум остальным судам возможность приблизиться. К берегу все три драккара подошли одновременно. Словно трехголовый дракон вылезал из моря на сушу.

По сигналу предводителя викинги спрыгивали с бортов и спешно брели по колону в воде к чужому берегу.

– Сир, прикажите лучникам начать стрелять! – зашипел в ухо барону шевалье де Вилье. – Мы упустим время!

– Нет. Пусть эти разбойники соберутся в кучу! Вот тогда всех разом и накроем!

Сигурд Белоглазый вместе с остальными покинул корабль и, рыча от возбуждения, неся по воде, поднимая фонтаны брызг. В этот миг по ушам резанул чей-то крик:

– Вальхи! Вальхи сверху!

Сигурд поднял голову и увидел, как на высоком утесе встают в рост вражеские лучники. А в следующий миг со всех сторон засвистели стрелы. Справа от Белоглазого со стрелой в глазу повалился дан Кнут. Норегу Свену прострелили предплечье. У самого Сигурда закровянило шею от пореза стальным трехгранным наконечником. Рев ярла, подобный морскому прибою, сокрушающему скалы, вывел его из оцепенения.

– Сомкнуть щиты! Делай крышу!

Непременное условие любого скандинавского подразделения – четкое знание каждым воином своего места в строю. Белоглазый привычно бухнулся на колени, выставив перед

собой щит. Сверху внахлест его прикрыл щит, стоявшего сзади товарища. Третий ряд викингов взметнул щиты вверх. В считанные мгновения образовалась непробиваемая деревянная конструкция, утыканная, словно еж, франкскими стрелами.

– Мечники, вперед! – закричал барон Ваннский. – Бей разбойников!

Лавина солдат, словно вытряхнутый из горшка горох, покатилась с утеса, подбадривая себя криками и улюлюканьем. Вот только найти прорехи в монолитном деревянном чудовище оказалось совсем непросто. Франки с остервенением рубили мечами огромные цветастые щиты, вырывая из них узкие щепки, пинали ногами и яростно ругались.

Норманны молчали. Но их безмолвие было недолгим. По сигналу ярла воины второго ряда неожиданно раздвинули щиты. Из узких щелей стремительно, словно бросок змеи, вынырнули короткие копья, с характерным хканьем вонзились в тела врагов и вновь спрятались за сомкнутыми щитами. Десятки солдат замертво повалились на землю. Пространство заполнилось воплями и хрипами раненых. Разозленные вальхи, переступая через тела убитых товарищей, вновь кинулись в атаку. И вновь повторился страшный маневр норманнов. Число убитых франков стремительно множилось.

На утесе Вилье тронул за плечо побледневшего барона:

– Сир, прикажите солдатам отступить! Нам их не победить!

Барон попытался что-то сказать, но лишь ткнул дрожащим пальцем вниз. А там происходило непонятное. Деревянная стена викингов вдруг пришла в движение, разъединилась, рассекая войско франков на две части.

Раздался волчий вой полутора сотен норманнских глоток и пошло «веселье».

Варяг Мелигаст первым покинул строй, выхватил из-за спины два меча, захохотал, и, совершив длинный прыжок, оказался в самой гуще врагов, и заплясал, закружился на месте, сея вокруг себя смерть и ужас. Молниями засверкали клинки в кровавом облаке, полетели в разные стороны отрубленные конечности, заголосили и захрипели раненые. А волчий вой достиг небывалой высоты и ярости.

Белоглазый снес голову своему первому врагу и, проследив, как она полетела по воздуху, оставляя за собой шлейф крови, засмеялся. Он испытал настоящую эйфорию от сражения. Убивать франков оказалось легко и просто. Даже двенадцатилетний дренг из его деревни покрыв бы себя славой. Сигурд сбивал вальхов щитом, рубил мечом наотмашь и хохотал, как сумасшедший. Похоже, другие хирдманы испытывали те же чувства. Кто-то еще продолжал выть по волчьи, но многие уже просто по-разбойничьи свистели, отпускали в адрес врагов обидные шуточки и убивали, убивали.

Мелигаст неожиданно запел. Голос у него был красивый и зычный:

*О, первый из первых!
Гордый Сварожич!
Молний властитель!
ГромОв повелитель!
Битву свою я тебе посвящаю!
Жертву мою не отринь, о, Владыка!
Длань укрепи и зажги мои очи!
Грозный Перун, даруй мне победу!*

Сигурд не знал варяжского языка, но задорная песня «Двоерукого» ему понравилась. Он пробился к Мелигасту поближе и попробовал подпевать. И хотя, у него получалось лишь: «Гыыыыыыыых», варяг услышал его, подмигнул и ободряюще рассмеялся.

Сигурд прикончил уже пятого врага, когда отсутствие левого глаза привело его к трагедии. Он не заметил, как сбоку к нему подскочил рослый франк и наотмашь врезал в висок

шестопером. Шлем треснул, по щеке Белоглазого скользнул кровавый ручеек, а сам он повалился на землю, как подрубленное дерево.

Мелигаст страшно закричал и разрубил вальха от плеча до пояса. Тот упал сверху на Сигурда. Варяг произнес какие-то ругательства на своем языке, молнии в его руках засверкали с удвоенной силой. Гора трупов у его ног все росла и росла, пока совсем не погребла под собой Белоглазого. Мелигаст больше не пел, он лишь шипел, как рассерженная змея, каждым ударом меча калеча или убивая противника. Раненый солдат, харкая кровью, приподнялся на локте и всадил ему в ногу широкий засапожный нож. Выдернул. Алая струя, толщиной в палец, ударила франка в лицо, он довольно оскалился и умер.

Мелигаст продолжал убивать врагов, но лицо его стремительно бледнело, движения замедлились. Вражеский нож повредил артерию. Варяг покачнулся, медленно осел на колени. Харальд Краснозубый метнулся к своему лучшему воину, присел рядом, обнял за плечи, но глаза Мелигаста уже затуманились.

– Перун... – последнее, что услышал ярл.

Харальд осторожно опустил тело хирдмана на землю и огляделся. Битва закончилась. Оставшиеся франки карабкались на утес, а викинги убивали их в спину. Самое время рвануть вперед и ворваться в город на плечах противника. Но сегодня явно был не его день.

Громкий свист одного из его людей, заставил Краснозубого встрепенуться. Дан Туйво, первым забравшийся на холм, показывал куда-то пальцем и кричал:

– Франки! Много!

Ярл кошкой взлетел на высокий утес и выругался. На западе от города высился лес, и из его недр серебристым ручейком вытекала вражеская колонна. Впереди всадники, за ними пехота. Кольчуги и латы блестят на солнце, аж глазам больно. И их действительно много, слишком много.

Лицо Харальда почернело от ярости.

– Всем на драккары! Уходим!

Норманны спешно грузили на корабли погибших, их оказалось одиннадцать. Целых одиннадцать отменных рубак, отдавших свои жизни неизвестно за что. «О, Один, за что ты караешь меня?».

Запыхавшийся Торстейн Вилобородый подскочил к ярлу, затараторил:

– У меня пропал Сигурд Белоглазый! Я не знаю, куда он делся!

Харальд отпихнул его в сторону, заорал, свирепо тараща глаза:

– Это был твой хирдман! Ты отвечаешь за своих людей!

Шевалье де Вилье тащил упиравшегося барона Ваннского подальше от места битвы, туда, где их ждали оседланные лошади.

– Скорее, сир, скорее!

У барона трясся подбородок:

– Я не понимаю, ведь их было всего сто пятьдесят!

– Сир, войско графа Анжерского на подходе! Они помогут нам!

– Вилье! – Барон ухватил командира гарнизона за локоть, – Ты слышал? Они убивали моих солдат и пели! Они пели, Вилье! Это не люди – это дьяволы!

Хевдинг Торстейн Вилобородый мрачно смотрел на своих людей. Так получилось, что его хирд понес самые большие потери. Пятеро погибших, плюс пропавший Сигурд. Шестеро. И среди них прославленный воин Мелигаст – невосполнимая утрата. На лицах хирдманов горькое разочарование. Кто-то успел срезать тощие солдатские кошельки, а кто-то и вовсе ничего не приобрел, лишь кровоточащие раны. Раненых слишком много. Проклятые вальхи застали их врасплох и утыкали стрелами. Торстейн оглянулся на исчезающий вдаль берег и тихо пробормотал:

– Сдается мне, что недотепа Сигурд покоится в той здоровенной куче мертвяков. Прости меня, сестра – не уберег твоего мужа. Только ты сама виновата, Брунхильда. Я тебя предупреждал.

* * *

Больше пятисот убитых. Барон Ваннский пребывал в смятении. Он по-бабьи пьяно всхлипывал и жаловался, что на него напали посланцы Сатаны, а против темных сил люди бессильны. Граф Анжерский и шевалье де Вилье смотрели на него с нескрываемым презрением. Однако это не мешало им угощаться отменным вином из баронских погребов и обсуждать дальнейшую военную кампанию. Монарх Карл Лысый потребовал от вассалов срочно собрать войска и выдвигаться на защиту Парижа и Сен-Дени – жемчужины королевских аббатств.

– Завтра выступаем! – сообщил присутствующим граф Анжерский, – Со мной тысяча шестьсот пехотинцев и двести конников.

– Я пойду с вами! – встрепенулся барон.

– Это не слишком разумно, – нахмурился граф. – Вы потеряли почти всех своих солдат. Кого вы оставите защищать город?

– В городе останется шевалье с полусотней солдат! Остальные двести присоединятся к вам, граф!

Услышав, что его оставляют в городе, де Вилье поперхнулся вином.

– Но, сир, вы не смогли остановить норманнов с шестью сотнями! Что я буду делать с горсткой солдат?

– Вы встретите врага грудью, как и подобает французскому дворянину! – взвизгнул барон, – И если надо, умрете, как это сделали мои доблестные солдаты!

– У города нет даже оборонительной стены! – запротестовал командир гарнизона. – Это верная смерть!

– Молчать! – барон вскочил с места, но тут же рухнул обратно, ибо был уже слишком пьян. – Вы похоронили героев? Я хочу, чтобы на кладбище был установлен камень в память о павших. А ваш дружок, аббат Лебо, пусть отслужит заупокойную мессу.

– Этих павших так много, что крестьяне уже стесали себе ноги, перетаскивая мертвецов.

– Так сгоните еще этих чумазных крыс! И чего вы расселись? Идите и проследите за всем лично!

Шевалье недовольно поднялся и вышел, шепча сквозь зубы ругательства.

* * *

Ночь выдалась безлунной и ветреной. Солдаты зябко кутались в плащи и хмуро наблюдали, как согнанные на берег крестьяне переносят убитых. Поднимать мертвецов тяжело – утес слишком высок. Факельные огни пляшут и режут на ветру. Командир стражников, проследив как двое крестьян, кряхтя от натуги, швырнули на телегу очередной труп, не удержался:

– Кладите осторожнее, сволочи! Эти герои защищали вас, неблагодарные ублюдки!

Сервы испуганно втянули головы в плечи и поспешили к обрыву, откуда уже подняли очередного погибшего.

На берегу еще много тел. Работы хватит до рассвета.

Худой мосластый крестьянин, стоя над горой мертвецов, вытер пот со лба, вздохнул и, ухватив убитого солдата за посиневшую кисть, сдвинул в сторону. И вдруг застыл. В мечущемся свете факела что-то блеснуло. Золото!

Нет, это не ошибка! Золотая цепь в палец толщиной на чьей-то могучей груди. Драгоценный металл манит и притягивает взор.

Серв воровато оглянулся на товарищей, протянул руку и рванул цепь на себя. Мягкие звенья не выдержали, лопнули. Но крестьянин недолго радовался свалившемуся на него счастью. Из груды мертвых тел взметнулась огромная окровавленная пятерня и ухватила его за горло. Словно стальные клещи сжали шею, лишая воздуха, отбирая жизнь. Глаза крестьянина вылезли из орбит, язык вывалился. Не издав ни звука, он повалился ничком на убийцу. Остальные сервы окаменели от ужаса, когда гора мертвых тел зашевелилась и перед ними предстало огромное бородатое существо в помятом шлеме, черной от запекшийся крови кольчуге и с длинным мечом в руке. Существо глянуло на людей жутким бельмастым глазом и издало такой жуткий рык, что один из крестьян упал в обморок, а другие застыли на месте, не в силах пошевелиться. Сервы пришли в себя лишь после того, как чудовище принялось ожесточенно рубить их.

Сигурд успел убить четверых, когда крестьяне с воплями бросились врассыпную. Белоглазый погнался за ними, срубил голову пятому, а в шестого метнул меч. Клинок, совершив тройной кульбит, до рукоятки погрузился в спину беглеца. Сигурд подошел к убитому, выдернул меч, вытер его об одежду убитого и захохотал.

А над его головой уже поднялась суматоха.

– Норманн! Норманн! – вопили крестьяне. – Там, на берегу, живой норманн!

– Я ни черта не вижу! – орал командир отряда. – Бросайте факелы вниз!

С обрыва полетело множество огней. Один из факелов упал в шаг от викинга.

– Вон он! – обрадовался командир. – Стреляйте в разбойника!

Защелкали тетивы луков. Сигурд заметался, уклоняясь от выстрелов. Бросился к воде и исчез в темноте. Он бежал прочь вдоль берега, а над головой свистели стрелы. Он уже решил, что ушел от обстрела, когда острая боль пронзила правую лопатку.

Проклятые вальхи! Все же достали!

Наверняка, его будут искать. Чтобы запутать следы, Белоглазый вошел в реку и побрел вдоль берега. Шел долго и остановился, когда осознал, что в голове все мутится, единственный глаз слезился, к горлу подкатывала тошнота. Опустившись на четвереньки, Сигурд исторг содержимое желудка в темные воды Луары. Проклятье, как кружится голова.

С трудом стащив с головы помятый шлем, викинг зашвырнул его подальше в реку. Осторожно ощупал левый висок, рана покрылась толстой коркой запекшийся крови. Умыв лицо и напившись, викинг поднялся и, пошатываясь, побрел дальше. Над головой шумели деревья – лес. Под правой лопаткой пульсировала боль. Франкская стрела пробила кольчугу и по наконечник погрузилась в тело. Сигурд попытался дотянуться до нее, но не смог. Не достать ни сверху, ни снизу. Так, с торчащим из спины древком, он полез наверх, на склон высокого холма. В Селунде Белоглазый часто лазил по скалам за птичьими яйцами, но этот подъем давался слишком тяжело. Не добравшись до верха, он потерял сознание и скатился обратно к реке. Древко стрелы сломалось, а наконечник остался в теле.

Он очнулся, когда занимался рассвет. Все тело болело, но чувствовал он себя заметно лучше. На этот раз он сравнительно легко преодолел подъем. Прямо перед ним шумел лес. Выбрав высокое дерево с пышной кроной, воин забрался на него и затаился в ветвях. Теперь главное не свалиться во сне. Отдых не помешает. А потом он подумает, как покинуть враждебную землю. Надо будет раздобыть лодку. Есть река – значит, есть рыбаки. Он пойдет вниз по течению, инглинги наверняка еще в Нанте и не успокоятся, пока не обшарят все закутки. Два дня у него точно есть.

* * *

Барон Ваннский насмешливо вертел в руках золотую цепь Сигурда.

– Хорошо живут северные разбойники. А от меня-то вы чего хотите?

Командир гарнизона шевалье де Вилье угрюмо указал подбородком на драгоценный трофей.

– Вокруг города бродит отряд норманнов, а вы забираете всех солдат...

– Какой отряд?! – барон зло стукнул кулаком по столу. – Разбойник всего один! Вы сами это прекрасно знаете! Притом раненый! Вы совсем свихнулись, шевалье, от страха! Вместо того чтобы организовать облаву на недобитого дикаря, вы плетете мне сказки о несуществующем отряде противника!

– У меня слишком мало людей для облавы, – буркнул де Вилье. – Оставьте хотя бы сотню солдат.

– Нет! – рубанул ладонью барон. – С чем я явлюсь на глаза королю? У меня лишь двести пехотинцев! Мы выступаем немедленно! А вы в мое отсутствие изловите разбойника и посадите на цепь. Я с удовольствием погляжу на него, когда вернусь.

* * *

Сигурд наблюдал из кустов за уходящим войском франков. Какой момент для удара. Жаль Харальда нет, сейчас можно было взять город на меч без всяких сложностей. Сколько там оружных вальхов? Не больше двух сотен – пустяки для воинов Севера. Хотя, городок по местным меркам плюгавый, с Нантом не сравнить. Стен нет. Самый высокий дом это та белая башня – капище местного бога. Вон и крест виден. Сигурд был наслышан, что наиболее богатая добыча и скрывается именно в таких постройках. Расстояние большое – подробностей не разглядеть. Левее от города деревенька, вот здесь уже все, как на ладони.

Под правой лопаткой ощутимо пекло. Чувствовался зарождающийся гнойник. Плохо. От меньших царапин крепкие воины отправлялись прямиком в лапы сине-белой Хель. Но у него еще есть время. Он добудет лодку и уйдет. А уж в хирде его шкуру залечат как надо – у хёвдинга есть отменный лекарь – трэль, захваченный у берегов Британии. Сигурд усмехнулся, представив удивленные рожи соплеменников, но тотчас погрустнел – кишки урчали от голода. Горсть зеленой земляники, что удалось найти, лишь распалила аппетит. Викинг втянул воздух ноздрями, и ему показалось, что он уловил запах жареной кабанины. Воображение нарисовало дымящиеся куски мяса и большой кувшин с пивом. Датчанин сглотнул и клацнул зубами, как волк.

На расстоянии трех полетов стрелы виднелись первые крестьянские домишки. Низенькие и покосившиеся. Маленькие, не такие, как дома скандинавов. Да и крыши дурацкие, не прямые, а покатые, соломенные. От самого леса до деревни тянулось обширное поле. Белоглазый с удивлением заметил, что поле не засеяно. Сорняки разрослись едва ли не по пояс. Тупые вальхи, у них такая плодородная земля, а они ей не пользуются. Да тут можно было собирать по три урожая в год. У них река, а они не ловят рыбу... Чем же питаются эти олухи?

Он видел множество хижин и каких-то хозяйственных построек, но странное дело: не было ни частокола, ни хотя бы изгородей. Неужто у этих дураков нет скота? Викинг отметил, что большинство хижин выглядят нежилыми. Лишь в самом первом доме кто-то явно обитает. словно в подтверждение его мыслей, из него вышла женщина и начала что-то собирать с земли.

Сигурд облизнулся. Похоже, вальхийка дергает какие-то овощи. А значит, он сможет хоть частично утолить голод. На лютефиск рассчитывать глупо. Да и про хакарл из гренландской белой эти дикари, наверняка, не слышали. Но хоть лепешки у местных бондов должны быть?

Он поест, выпытает у хозяев, где те прячут лодки, а потом перережет франкам горло и уйдет. Сигурд вздохнул. Жаль только – придется ждать темноты. На широком поле его сразу же обнаружат.

С этими мыслями норманн проворно забрался на дерево и затаился в густой листве. Что-что, а неподвижно сидеть в засаде по многу часов умеет любой воин Севера.

Облокотившись на зубец башни, шевалье де Вилье вглядывался в зеленую полосу леса. Его слуги не нашли сбежавшего разбойника. Где он может прятаться? Только в лесу. Сидит и смотрит на него из кустов. Эх, прочесать бы. Но у него недостаточно солдат. И нет собак. Бросивший город барон ненавидел псов. Кретин. С собаками можно было бы обнаружить беглеца и затравить, как кабана. Пусть их только пятьдесят – на норманна хватит. Одно радует – в город он не сунется. Даже такой безголовый убийца поймет, что расклад не в его пользу.

* * *

Хорошо, что у бестолковых франков нет собак. В Селунде местные лохматые и злющие псы, не иначе семя самого Гарма, уже бы давно почуяли чужака и подняли жуткий лай. А здесь тишина. Сигурд бесшумно скользил в темноте, придерживая рукой ножны меча, чтобы те ненароком не звякнули при ходьбе.

Вот он – ближайший крестьянский дом. Когда-то был основательный сруб, а ныне строение просело и завалилось на бок. Сигурд уже раньше видел подобные жилища. В отличие от длинных родовых домов скандинавов, в таких обитала одна семья. Окон нет, зато дверь открыта настежь. Наружу вырывается желтый вздрагивающий свет – не спят хозяева. Тем лучше, пусть взглянут в лицо смерти.

Женщина была одна. Сидела спиной к Сигурду и сосредоточенно возилась с какими-то тряпками. Похоже, шила. В центре жилища в большой глиняной кадке горел огонь. По деревянным стенам и потолку металась черные тени. Сизый дым медленно плыл в сторону открытой двери.

Белоглазый огляделся. Хозяйка не баловала себя излишней мебелью. Кроме грубого стола имелось три табурета. На одной из стен, под самым потолком, висели какие-то пучки трав. Один угол огорожен плетеной ивовой решеткой. Сигурд принялся. Судя по всему – когда-то в этом загоне держали коз. Вот только сейчас он был пуст. Белоглазый нахмурился. Как бы хорошо отведать жареной козлятинки. Неужели у этой франкской ведьмы нет жратвы? С досады викинг пнул ногой решетку, и та громко хрустнула.

От неожиданности женщина подскочила на месте и резко обернулась.

Глаза ее расширились от ужаса. Она выронила из рук тряпки и поднялась. Подбородок дрожал.

«Сейчас заорет», – решил норманн и шагнул к ней, намереваясь при необходимости быстро свернуть хозяйке шею.

Нет, она не закричала, хотя Сигурд видел, что она близка к тому, чтобы грохнуться в обморок. Стоит, трясется, но молчит.

По скандинавским меркам женщина была некрасива. Черноволоса и излишне худая. Да еще безобразно высока. Белоглазый был сам весьма не маленького роста, а эта вальхийка умудрилась дорасти ему до плеча. Лицо вытянуто, как у лошади. А во что одета? Вместо платья балахон какого-то непонятного цвета. В Селунде мешки из-под ячменя выглядят краше. Нет, уродина еще та.

Сигурд поскреб рыжую бороду и спросил:

– Где ты прячешь еду, женщина?

Огромные серые глазищи, не мигая смотрящие на него, стали еще больше. Вальхийка затрясла головой и нечленораздельно замычала.

– Я знаю, – с нажимом протянул Белоглазый, – у тебя есть еда. Отдай ее мне, и ты умрешь без мучений.

Женщина что-то быстро залопотала на своем языке и молитвенно сложила руки на груди.

– Врешь, ведьма! – взревел викинг. – Чем-то ты сама питаешься, безмозглая тюлениха?!

От ужаса французенка бухнулась на колени и попыталась поцеловать ногу захватчика.

Сигурд грубо отпихнул ее и заскрежетал зубами:

– Не испытывай мое терпение, ведьма! Если я сейчас не получу жратву, то выдавлю твои глаза и сломаю каждую кость в твоём теле!

Вальхийка сморщила личико и заплакала.

«Вот ведь упрямая тварь!» – рассвирепел норманн. Он несколько раз сжал и разжал кулаки, успокаиваясь, и, с трудом сохраняя хладнокровие, вновь попросил:

– Дай мне еды, женщина.

При этом викинг недвусмысленно постучал себя по животу.

Робкая улыбка озарила лицо женщины. А в следующее мгновение она сделала то, чего от нее Сигурд никак не ожидал.

Французенка высоко задрала подол бесформенного балахона, шустро повернулась спиной к мужчине и нагнулась, касаясь ладонями земляного пола.

Белоглазый опешил, вперив единственный глаз в белые, чуть разведенные ягодицы. Во рту пересохло. Он вспомнил, что уже давно не имел женщины. С диким рыком, викинг расстегнул ремень, осторожно опустил на землю меч и потянул завязку пояса.

Он вошел в нее рывком, грубо и безжалостно. Та закричала.

– Да, да! – рассмеялся Сигурд, крепко сжимая пальцами её бедра, – Да, хорошая!

Её крики сменились стонами и всхлипываниями. Белоглазый рычал и хрюкал, как боров, вгоняя восставшую плоть в горячее лоно раз за разом, не желая завершать минуты блаженства. Излив в нее семя, Сигурд оторвал женщину от пола, повернул к себе лицом и вновь насадил на уд. Он крепко сжимал пальцами ее ягодицы, а она стонала и покрывала страстными поцелуями его шею и заросшие рыжим волосом щеки.

Он брал ее уже три раза подряд. Наконец, вдавив податливое тело в сырую черную землю и навалившись сверху, Белоглазый сделал последнее конвульсивное движение и застыл, распластался на своей жертве. С его красного лоснящегося лица лил пот, дыхание сделалось прерывистым. Он лежал на французенке и понимал, что должен убить ее. Хорошая, мягкая девка, но она сделала свое дело – потешила воина. Даже с толстушкой Брунхильдой не было так хорошо, как с этой безымянной худышкой. Та только и умеет, что орать от восторга и вцепляться пятерней в бороду или бить немаленьким кулачком в нос. А эта... словно горячая лошадка, чувствует малейшее желание хозяина: выгибает спинку, устремляется всем телом навстречу, делая миг блаженства еще острее, еще ярче. А как она умеет ласкать его губы, сосать язык и целовать в шею. С этой вальхийкой он при жизни ощутил наслаждения Асгарда.

Сигурд тяжело вздохнул и приподнялся на локтях. Лицо женщины тоже покраснелось, на губах улыбка, она обвила его шею руками и что-то шепчет на своем языке. «Притворяется, – решил Белоглазый. – Не хочет умирать. Делает вид, что согласна на всё».

– Я не больно убью тебя, – сказал Сигурд и сдвигал пальцами тонкую шею. Женщина дернулась, глаза ее расширились. Она с мольбой уставилась на викинга.

– Так надо, – прорычал он, – Даже добряк Мелигаст не оставил бы тебя в живых. Ты можешь выдать меня. Жизнь воина дороже жизни бонда.

Пальцы все сильнее сдавливали шею. Взгляд вальхийки поплыл, лицо посинело. Но когда последняя искра жизни должна была погаснуть, Сигурд неожиданно убрал руку и поднялся. За его спиной женщина каталась по полу и надрывно кашляла, а он стоял, угрюмо уставившись в желтые языки пламени, и молчал. На что он годен, если у него не хватило духу даже на такое простое дело. А ведь он сын берсерка. Что сказал бы старый Олаф, узнав о возмутительной слабости отпрыска. Сигурд зарычал от злости, подхватил с пола грубо сколоченный табурет и запустил им в стену. Потом сел на землю и обхватил голову руками. Он долго сидел так без движения, пока женщина не подползла к нему и не прижалась к его спине.

Ему было тепло и хорошо. А потом она отстранилась, протянула к нему мокрую испачканную гноем ладонь и, смешно кривя личико, что-то недовольно проговорила.

– Это твои виноваты, – буркнул Белоглазый, – Стрелой зацепили. Рана небольшая, но плохая...

Вальхийка смешно запричитала, делая знаки, чтобы Сигурд снял рубаху. При этом в ее руках неожиданно появился нож с коротким лезвием. Где она его прятала? Похоже, он всегда был при ней. Сигурду стало смешно. А ведь она могла его прирезать, пока он расплылся, как сырая лепешка под руками пекаря. Не прирезала. Почему? Испугалась? Лезвие тонкое. Ткнула бы в ухо, и Белоглазый проснулся бы за кромкой Мидгарда. И в Вальхаллу такого дурака бы не пустили.

Француженка продолжала настаивать. Сигурд усмехнулся, стащил с себя короткую кольчугу, скинул кожаную рубаху.

Вальхийка взглянула на рану, покачала головой и недвусмысленно постучала себя пальцем по лбу.

– Но-но! – прикрикнул на нее викинг, – Много позволяешь себе, женщина! Я ведь могу и передумать!

Похоже, знает толк в лекарстве. Быстро и сноровисто распорол гнойник, извлекла наконечник стрелы, после чего полила рану какой-то жидкостью и туго завязала длинным лоскутом тряпки. Причем, в качестве перевязочного материала использовала ту самую тряпку, что до прихода Сигурда старательно зашивала. Белоглазый заметил это и сделал для себя мысленную зарубку.

– Где ты так шустро научилась обращаться с ранами?

Вальхийка поняла, пожала плечами и показала пальцем на стену, где во множестве сушились пучки разных трав.

– Молодец, – одобрил викинг, – А муж твой где? – Сигурд ткнул пальцем ей в грудь и дернул себя за бороду.

Поняла. Вон как скривилась. Быстро провела пальцем по горлу и махнула рукой в сторону двери.

– Ясно, – кивнул Белоглазый. – Одна, значит, живешь. В лекарстве ты разбираешься, а вот хозяйка никудышная. В доме у тебя пусто, живности нет. Хоть лепешка и вода найдутся? Я голоден, как волк Фенрир. Готов сожрать не только солнце, но и весь ваш Валланд, будь он навеки проклят богами!

– Lesprommes? – неуверенно предложила француженка.

– Плевать! Лишь бы брюхо набить! Неси всё, что есть!

* * *

Вдову звали Анна. Как понял Сигурд, она уже много лет жила одна. Судя по выразительным кивкам и ругательствам в сторону города, муж ушел за кромку не без участия местной знати. С пищей у крестьянки было худо. Белоглазый употребил все предложенные съедобные коренья, несколько гнилых яблок, сухую и твердую, как подошва, лепешку и запил всю эту немудреную снедь колодезной водой. Не пиршество в Вальхалле, конечно, и даже не стол селундского треля, но уже кое-что. Единственный глаз разбойника масляно заблестел от удовольствия.

А еще эта высоченная чернавка была ласковой. Не просто ласковой, а немислимо ласковой. Таких женщин Сигурду видеть не доводилось. Анна не упускала возможности коснуться его руками, поцеловать, потереться мягкой щекой, пошептать что-то тихое и умиротворяющее, а еще она бросала на него такие взгляды, что бельмастый здоровяк плыл, ощущая себя легкой щепкой на волнах порубежной реки Ивинг, которая плавно, но неуклонно движется в царство асов. В ее присутствии Сигурд ощущал себя чуть ли ни богом, способным потеснить в пантеоне самого Одина. Хотелось быть добрым и щедрым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.